

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 23 ИЮНЬ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (2552)

5 ИЮНЯ 1976

Во время подписания договора.

ВО ИМЯ МИРА

Фото А. Гостева.

28 мая в Кремле состоялось подписание Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о подземных ядерных взрывах в мирных целях, о подготовке которого стороны условились во время советско-американских встреч на высшем уровне.

От имени Советского Союза договор и протокол к нему подписал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Перед подписанием документов тов. Л. И. Брежнев выступил с заявлением.

На церемонии подписания были товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели Государственных комитетов СССР, другие официальные лица.

Присутствовал также посол США в СССР У. Дж. Стессел.

Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях и протокол к нему были одновременно подписаны в Вашингтоне Президентом США Дж. Фордом.

Во время беседы.

В ДЕЛОВОЙ ОБСТА

Во время встречи.

Фото А. Гостева

31 мая в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства прибыли с официальным визитом Президент Республики Филиппины Фердинанд Э. Маркос и Имельда Ромуальдес Маркос.

В тот же день в Кремле начались советско-филиппинские переговоры. С советской стороны в них участвовали: член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков;

с филиппинской стороны — Президент Республики Филиппины Фердинанд Э. Маркос, министр иностранных дел Карлос П. Ромуло, министр финансов Цесар Вирата, министр промышленности Висенте Патерно, министр общественной информации Франсиско Татад.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной, деловой обстановке, были рассмотрены перспективы установления и развития таких двусторонних советско-филиппинских связей, которые соответствовали бы современному характеру международных отношений, всеобщему стремлению к миру, безопасности, интенсификации разностороннего, взаимовыгодного сотрудничества между странами и народами.

Особое внимание было уделено укреплению мира и стабильности в Азии.

1 июня состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Республики Филиппины Фердинандом Э. Маркосом и госпожой Имельдой Ромуальдес Маркос.

НОВКЕ

В беседе участвовали: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Республики Филиппины Карлос П. Ромуло.

Состоялся обмен мнениями, в ходе которого были затронуты вопросы двусторонних отношений между СССР и Республикой Филиппины, а также некоторые международные проблемы. При этом было выражено удовлетворение наличием обоюдного стремления к развитию и укреплению советско-филиппинских отношений на основе равенства и взаимной выгоды, а также выявившимся совпадением или близостью позиций Советского Союза и Республики Филиппины по многим международным вопросам, и прежде всего по таким, как укрепление всеобщего мира и международной безопасности.

Л. И. Брежнев и Ф. Маркос отметили, что беседа и переговоры, состоявшиеся в Москве во время визита Президента Республики Филиппины в Советский Союз, открывают новые возможности для углубления связей и контактов между обеими странами в различных областях.

Было выражено удовлетворение достигнутой договоренностью об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Филиппины, а также о заключении торгового соглашения между двумя странами, которое открывает новые возможности для расширения товарооборота между ними.

Встреча прошла в деловой, дружественной обстановке.

ШАГ ЗА ШАГОМ

Владимир НИКОЛАЕВ

Подсчитано, что на долю каждого человека на Земле сегодня приходится ядерная взрывная мощность, равная пятнадцати тоннам (!) тринитротолуола. Пятнадцать тонн взрывчатки на душу населения слагаются из смертоносных запасов, упрятанных в атомные кладовые нескольких стран. Только одна эта цифра уже достаточно убедительно говорит о чудовищной бессмысленности атомной войны, которая может принести человечеству неисчислимые бедствия и страдания, привести всю нашу цивилизацию на грань непоправимой катастрофы. При сложившейся в мире ситуации нет разумной альтернативы мирному сосуществованию.

Борьба против угрозы ядерного конфликта, за прекращение гонки вооружений, за разоружение — вплоть до всеобщего и полного — вот одно из главных направлений советской внешней политики. Об этом ярко свидетельствует претворение в жизнь Программы мира, принятой на XXIV съезде КПСС. Об этом ярко свидетельствует и утвержденная XXV съездом КПСС программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество. При самом активном участии нашей страны процесс разрядки международной напряженности, несмотря на немалые трудности и сложности, обретает с каждым днем все бóльшую конкретность и реальную силу. Новым тому доказательством стал подписанный в Кремле 28 мая Договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях. От имени Советского Союза договор и протокол к нему подписал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Одновременно договор и протокол к нему были подписаны в Вашингтоне Президентом США Дж. Фордом. В своем выступлении при церемонии подписания товарищ Л. И. Брежнев сказал: «В сочетании с ранее достигнутыми соглашениями договор представляет собой еще одно звено в цепи мер, направленных на сдерживание роста вооружений, на достижение цели всеобщего и полного прекращения испытаний ядерного оружия».

Так шаг за шагом практически осуществляется политика разрядки напряженности. И в данном случае только что подписанный документ явился логическим развитием Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, заключенного в июле 1974 года во время советско-американской встречи на высшем уровне. В соответствии с этим договором тогда было условлено выработать соглашение о регулировании подземных ядерных взрывов в мирных целях. Нынешним договором от 28 мая это решение реализовано на деле.

Как известно, у атома есть две стороны: военная, разрушительная, и мирная, созидательная. В деле применения атомной энергии в интересах человечества мирные ядерные взрывы играют существенную роль. Важно только, чтобы они действительно служили делу созидания, а не военным приготовлениям. Новый договор и призван обеспечить, чтобы подземные ядерные взрывы, о которых в нем идет речь, использовались именно в мирных целях. Поэтому в нем предусмотрены необходимые гарантии, включая положение о контроле. Очень важно, что договор будет способствовать развитию сотрудничества между СССР и США в деле мирного использования энергии атома. Как и другие советско-американские соглашения, этот документ принесет выгоду не только СССР и США, но и другим странам.

Сегодня, когда мировая общественность оживленно обсуждает подписанный в Москве и Вашингтоне договор, вспоминается другое событие, свидетелем которого мне посчастливилось быть: 22 июня 1973 года во время советско-американской встречи на высшем уровне в Вашингтоне было подписано Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Во время подписания этого документа в Восточном зале Белого дома царила такая приподнятая атмосфера, что она выходила за рамки обычного дипломатического этикета. Собравшиеся там понимали, что происходит акт поистине исторического значения: две великие ядерные державы совместно призвали человечество отвести от планеты угрозу атомной военной катастрофы.

С тех пор прошло почти три года. Немало было сделано в целях дальнейшей разрядки напряженности. Но и немало было сделано, чтобы помешать ей. К сожалению, развязанная империалистами гонка вооружений продолжается. Весьма показательно, что только европейские участники НАТО за последние пять лет увеличили свои военные расходы в два раза. Зарубежная печать сообщает, что если в 1974 году мировые расходы на вооружение составляли 270 миллиардов долларов, то в 1975 году они достигли, по-видимому, 300 миллиардов. А как конкретно расшифровываются эти сотни миллиардов? Вот только один пример. Находящийся на вооружении в США бомбардировщик «В-52» стоит 15 миллионов долларов. А новый бомбардировщик, «В-1», который собирается принять на вооружение Пентагон, будет стоить уже почти 100 миллионов долларов.

Да, заключение Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях — новый успех на пути разрядки, но есть еще ряд крупных проблем, ждущих своего решения, в том числе завершение выработки нового долгосрочного соглашения между СССР и США об ограничении стратегических вооружений. Как известно, Советский Союз делает для этого все от него зависящее.

«В сотрудничестве с другими странами, — сказал Л. И. Брежнев при подписании Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях, — мы готовы энергично двигаться по широкому фронту мер, ведущих к свертыванию гонки вооружений, к разоружению. Нет более высокой и гуманной цели, чем всемерное укрепление мира и международной безопасности, надежное устранение угрозы войны из отношений между государствами».

США. 28 мая в Белом доме состоялась церемония подписания Президентом Дж. Фордом Договора между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях и протокола к нему.

Телефото Л. Пахомовой (ТАСС)

ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО-АНГОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, 26 мая состоялось подписание советско-ангольских документов.

Декларацию об основах дружественных взаимоотношений и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Ангола подписали: за СССР — член Политбюро ЦК КПСС, Председа-

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению руководства Партии арабского социалистического возрождения и правительства Иракской Республики с 29 мая по 1 июня 1976 года с официальным дружественным визитом в Ираке находился член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

29—31 мая в Багдаде проходили переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и заместителем генерального секретаря руководства Партии арабского социалистического возрождения, заместителем Председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддамом Хусейном.

В ходе переговоров, протекавших в обстановке дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены вопросы, касающиеся состояния и перспектив развития советско-иракского сотрудничества в различных областях. С удовлетворением было отмечено, что плодотворное сотрудничество между двумя странами строится на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве 1972 года.

В переговорах приняли участие сопровождавшие А. Н. Косыгина официальные лица, а также государственные деятели Иракской Республики.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Большому театру Союза ССР исполнилось 200 лет.

В приветствии, с которым Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев обратился к коллективу театра, подчеркивается, что после Великого Октября, обогащенный идеями революции, театр вступил в пору обновления, подлинного расцвета. «Авторитет Большого театра общепризнан,— говорится в приветствии.— Идеи дружбы народов, гуманизма, прогресса, которые несет его искусство, находят благодарный отклик в сердцах слушателей и зрителей всего мира». На торжественном заседании, посвященном 200-летию Государственного академического Большого театра Союза ССР, коллективу театра вручен орден Ленина — за выдающиеся заслуги в развитии советского музыкального и хореографического искусства и в связи со знаменательным юбилеем.

В президиуме торжественного заседания товарищи В. В. Гришин, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, лауреаты Ленинской премии, выдающиеся деятели культуры. На сцене — вся труппа Большого театра. С большим подъемом избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

В своей речи товарищ В. В. Гришин отметил, что награждение Большого театра Союза ССР орденом Ленина ко многому обязывает, зовет к дальнейшему совершенствованию мастерства, созданию новых значительных спектаклей, увеличению вклада работников театра в создание духовных богатств народа, в решение задач развития художественного творчества, выдвинутых XXV съездом КПСС.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС товарищ В. В. Гришин прикрепляет орден Ленина к знамени театра.

Фото А. Гостева

тель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, за НРА — Премьер-Министр НРА Лопу ду Насименту.

Были подписаны также другие советско-ангольские документы.

При подписании советско-ангольских документов присутствовали: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместители Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, Н. Т. Новиков, министры СССР, другие официальные лица; с ангольской стороны — член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, министр обороны Э. Т. Каррейра, член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, заместитель начальника генерального штаба Народных вооруженных сил освобождения Анголы (ФАПЛА) Ж. К. Жоао, член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, начальник управления информации и безопасности Р. Ж. Лопеш, другие официальные лица.

Во время подписания советско-ангольских документов.

Фото А. Гостева.

30 мая в Багдаде состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Первым секретарем ЦК ИКП А. Мухаммедом, членами Политбюро ЦК ИКП З. Хейри и К. Ахмедом, членами ЦК ИКП А. Абдаллой и М. ат-Талабани.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы и взаимопонимания.

30 мая в Багдаде в президентском дворце состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с генеральным секретарем руководства Партии арабского социалистического возрождения, председателем Совета революционного командования, президентом Иракской Республики Ахмедом Хасаном аль-Бакром.

В ходе беседы, проходившей в дружественной атмосфере и духе взаимопонимания, состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам советско-иракских отношений.

Были обсуждены также актуальные вопросы международных отношений, представляющие взаимный интерес.

Во время встречи в президентском дворце.

Телефото ТАСС

ЧЕТВЕРТЫЙ ТАШКЕНТСКИЙ...

Определяющим событием IV кинофорума в Ташкенте стало приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева его участникам и гостям.

— Всех нас очень тронуло сердечное послание,— выразил общее мнение кинорежиссер Фетмани Сонтен из Лаосской Народно-Демократической Республики.— В нем — еще одно подтверждение заботы и внимания, которые проявляет Коммунистическая партия Советской страны по отношению к киноискусству. С земли Лаоса только что ушла война; новые, сложные задачи стоят перед нашим народом. Сегодня мы снимаем фильмы, тематика которых продиктована нашими первыми шагами в мирном строительстве; один из таких фильмов, «Новое обучение», мы привезли в Ташкент.

Представители Организации освобождения Палестины Омар Мухтар и Самир Немер рассказали о съемках эпизодов народной борьбы. Оператор Ханни Джавхария, один из авторов палестинского документального фильма, не увидел снятые им кадры на экране: во время работы его настигла пуля врага...

Чилийский документалист Дуглас Хюбнер говорит, что чилийское кино сейчас живет далеко за пределами Чили, а его коллега, режиссер Клаудио Сапиаин создал фильм о народном певце Винторе Харе, убитом фашистской хунтой.

Интересной была встреча с Шексиди Сангари — представителем Африки, режиссером и продюсером киностудии «Сенфома» из Мали, а также с другим посланцем Африки — Руй Дуарте Де Карвалью из Народной Республики Ангола, где искусство кино только зарождается.

— Фильм «Праздник освобождения», который мы привезли,— говорит Руй Дуарте,— это рассказ рядовых людей о том, какой они хотят видеть свою родину...

Творческая дружба прогрессивных деятелей кино Азии, Африки и Латинской Америки дает свои плоды, способствуя не только развитию искусства, но и укреплению мира, добрососедских отношений между народами.

В. КОСТЫРЯ

Фото В. Сваричевского

ФОТОГРАФИИ ОБВИНЯЮТ

В результате агрессивной политики Тель-Авива арабский народ Палестины оказался разделенным. В изгнании находится более двух миллионов человек. Большинство лагерей палестинских беженцев, наподобие запечатленного на фотографии лагеря Караме в Иордании, представляет собой палаточные городки, лишенные элементарных удобств. Не лучше судьба и тех палестинцев, которые остались на оккупированной Израилем арабской территории. На своей собственной родине они оказались гражданами второго сорта. Израильские оккупанты творят здесь суд и расправу. Массовые облавы и аресты арабов стали повседневной практикой израильской военщины. В случае неповиновения в ход идут дубинки и оружие.

Фото ЮПИ — ТАСС

ГОВОРИТЬ ОПАСНО

Антинародная политика главы сеульского режима Пак Чжон Хи вызывает протест широких слоев населения Южной Кореи. Требования покончить с ненавистной диктаторской властью, положить конец зависимости страны от империалистических государств, возобновить переговоры с КНДР о мирном объединении Кореи звучат все громче. В авангарде этого движения идут оппозиционные партии, студенты и преподаватели университетов и колледжей, в нем участвуют журналисты и литераторы, адвокаты и врачи, религиозные деятели, все более активно начинают выступать рабочие и крестьяне.

Один за другим фабрикуют сеульские правители так называемые чрезвычайные законы, чтобы с их помощью подавить нарастающую борьбу за свободу и демократию.

Клика Пак Чжон Хи, пытаясь сломить любое сопротивление своей антинародной политике, превратила Южную Корею в огромную тюрьму, где инакомыслящие подвергаются жесточайшим репрессиям. В стране проводятся повальные аресты всех, кто требует элементарных человеческих прав. Сеульские власти организовали судебный процесс против лидера оппозиции Ким Тэ Чжуна и 17 других южнокорейских граждан. В знак протеста против судебного произвола родственники обвиняемых собрались у здания суда с заклеенными пластырем губами. В Южной Корее говорить опасно.

Фото АП — ТАСС

БОРЬБА НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ

В последнее время правая печать Греции развернула широкую антикоммунистическую пропаганду. В стране много говорят о новых террористических актах, диверсиях и убийствах, которые осуществляют сторонники свергнутой хунты.

Из всех главарей военного режима были преданы суду лишь несколько десятков наиболее одиозных фигур. Однако радикальная чистка армии — главной опоры диктатуры, «сил безопасности», судов, дипломатического корпуса, профсоюзов и учебных заведений так и не была доведена до конца. Более того, власти проявляют удивительную снисходительность к тем, кто был признан виновным в многочисленных казнях и пытках политических заключенных.

Несмотря на то, что коммунистическая партия теперь легализована, правительство Караманлиса подвергает коммунистов жестокой дискриминации. Полиция постоянно устраивает налеты на местные секции КПГ, периодически конфискует тиражи отдельных номеров партийной газеты «Ризоспастис», запрещает проводить собрания и митинги в учебных заведениях, на фабриках и заводах. Однако коммунистическая партия не прекращает борьбы. Коммунисты, подчеркивал первый секретарь ЦК КПГ Х. Флоракис, с уверенностью смотрят в будущее и готовы отдать все силы для построения свободной, социалистической Греции.

Л. МАКАРЕВИЧ

На снимке: полиция расправляется с бастующими.
Фото из газеты «Ризоспастис».

ЭТО ТОЖЕ ПАРИЖ

На снимке — бездомный в Париже. Какие сны снятся ему среди роскошных лимузинов, под окнами шикарного отеля? Обострение экономического кризиса во Франции, усиление безработицы, рост квартплаты — все это приводит к увеличению числа бездомных людей. Как пишут газеты, даже в ночлежках Парижа коек не хватает. Многие бездомные ночуют где придется: под мостами, в парках, на вентиляционных решетках метро.

Фото АДН — ТАСС

ГОВОРЯТ НАШИ ГОСТИ

ХОРОШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ангола после долгих лет войны приступает к строительству новой жизни. Республику уже признала подавляющая часть стран мира, укрепляются ее международные позиции и авторитет. Большое значение придают жители молодого независимого государства Африки визиту Премьер-Министра страны Лопу ду Насименту в Советский Союз, визиту, который явился новым шагом в сближении двух стран. Одновременно с правительственной делегацией, возглавляемой Премьер-Министром, в СССР находилась делегация идеологического фронта Анголы во главе с министром информации НРА Жоао Мартинешем. Перед отъездом корреспонденты ТАСС и «Огонька» попросили Жоао Мартинеша поделиться своими впечатлениями от пребывания в СССР и ответить на некоторые вопросы.

— Впечатлений, конечно, очень много,— говорит Ж. Мартинеш.— Мы первый раз в вашей стране, и многое, что здесь довелось увидеть и с чем пришлось познакомиться, явилось для нас поистине открытием. Нам хотелось узнать, как у вас поставлена служба информации, о тиражах ваших печатных изданий в Москве и других городах. Мы завязали контакты с вашим информационным агентством ТАСС и подписали с ним соглашение о сотрудничестве.

В общем, нас здесь очень хорошо принимали, и мы чувствовали себя как дома.

— Как вы оцениваете итоги визита Премьер-Министра Анголы Лопу ду Насименту?

— Для нашей страны это очень большое событие. Отношения дружбы между нашими двумя странами и народами заложены на века. У нас очень хорошие перспективы для сотрудничества и развития разносторонних отношений в различных сферах жизни и деятельности, и все это нашло подтверждение в подписанных в ходе московских встреч документах по вопросам культурного, научного, экономического сотрудничества и других соглашениях.

— Что вы считаете главным фактором, определившим победу ангольского народа в борьбе против ставленников империалистических сил?

— Я считаю, что главный фактор — международная солидарность и прежде всего солидарность советского народа. Советский Союз стоял во главе этого движения солидарности с народом Анголы, и если бы не эта поддержка, нам было бы трудно победить.

— Каковы главные проблемы, стоящие сейчас перед Анголой?

— В первую очередь это решение задач государственного строительства, создание собственной экономической базы, проблема подготовки своих кадров специалистов. Затем — проблема восстановления и развития транспорта и коммуникаций. Сейчас мы имеем возможность сообщаться с районами страны только по воздуху — мосты через реки были в ходе войны в значительной степени разрушены или повреждены.

Мы думаем, что решим эти проблемы так же, как решили главный вопрос, стоявший перед нашей страной,— мы победили наших врагов. У нас хорошие отношения с другими африканскими государствами, и мы уверены, что время работает на нас.

МЕЛОДИИ НАД ВЛТАВОЙ

В эти дни в столице Чехословакии по традиции царит музыка: с 12 мая по 4 июня проводится международный музыкальный фестиваль «Пражская весна». Интервью по телефону дает «Огоньку» директор фестиваля Вилем ПОСПИШИЛ.

— Чем примечательна программа «Пражской весны»-76?

— В этом году праздник проходит под знаком 70-летия выдающегося советского композитора Дмитрия Шостаковича. Вершиной программы можно назвать исполнение его 10-й симфонии оркестром Ленинградской филармонии. Ряд вечеров посвящен юбилею Моцарта. Широко представлено чехословацкое современное музыкальное творчество. 80 лет со дня основания исполняется нашему лучшему коллективу — оркестру Чешской филармонии. По его инициативе и состоялись в 1946 году первые концерты «Пражской весны».

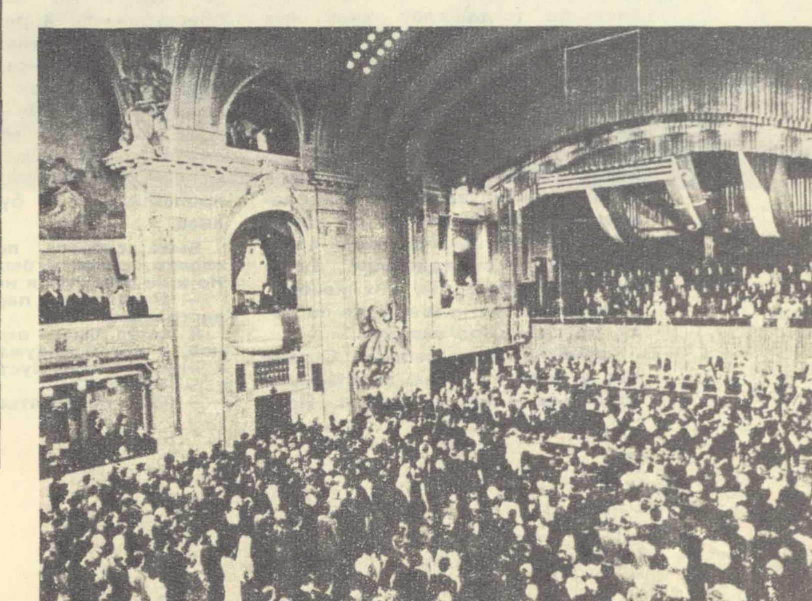
— Значит, и сам фестиваль сегодня юбиляр?

— Да. Я помню первый послевоенный фестиваль в 1946 году. Он прозвучал гимном миру и дружбе. Я участвовал в нем, играл в оркестре. Мне выпала честь с 1952 года быть директором фестиваля. Горжусь, что «Пражская весна» стала одним из крупнейших международных событий музыкальной жизни.

— Какие сюрпризы ожидали в эти дни любителей музыки?

— Сенсация — выступление самого молодого участника, 18-летнего Кристиана Цимермана из Польши. У этого пианиста, несомненно, большое будущее. Задолго были распроданы билеты на концерты советских мастеров.

Фото ЧТК — ТАСС

К. БАРЫКИН

ПЕКАРЬ № 1

Наниматься на работу он пришел мальчишкой. Пекарня была неподалеку от дома, манил идущий оттуда аромат свежего хлеба. Годы были военные, не всегда парень досыта наедался.

— Пришел я, «здрасте» говорю, хочу быть пекарем,— рассказывает Страмнов. Думал: сейчас надену халат, встану у печи... А мне: «Надо бы съездить в Химки, за дровами». Я заартачился. Дескать, в пекари же хочу... Подошел тут Сивачев, известный тогда мастер. Он, между прочим, Зотова, который потом стал министром, тоже учил. Говорит: «Не узнаешь трудного, не оценить и легкого». И ни словом больше: сам, мол, решай.

Поехал Страмнов. И второй и третий раз, сколько нужно было, столько и ездил. Время было тяжелое, выбирать особо не приходилось, да и не из чего было выбирать.

— Первые дни моей работы совпали с предновогодьем. А пекари шутку не забывали. «Новичок? — подкатился кто-то.— Ну-ка, быстро к мастеру. Возьми у него ключи от печки...».

— Побежал я,— Страмнов улыбается, вспоминая,— а мастер хохочет: «Да где у печки замок-то?» К вечеру тот же шутник снова подозвал меня. «Ты бы муки помельче порубил, печенье испечем к Новому году...»

Но не только шутками было выстлано начало трудового пути известного ныне пекаря, Героя Социалистического Труда. Приглядывались мастера к пареньку, помогали, радовались его сноровке, учили. По-всякому учили — люди-то разные. Как-то был Страмнов в одной смене с Павлом Ефимовичем Сивачевым. Скупой на слова человек. Но тут разговорился.

— Умение — еще не все, это ты заметь себе. Конечно, калач или там сайка, батон — наше главное дело. Но ты знай: московские пекари в революцию одними из первых встали на баррикады. И не раздумывали, по какую сторону...

Немало повозились со Страмновым, пока не признали своим. Не знал он тогда слов, сказанных Сент-Экзюпери: «Хлеб стал для нас средством единения людей». Но чувствовал: только в общем деле придет умение. Это ведь кажется, что от тебя одного все зависит: каким поставил тесто, такой и хлеб получишь. При всей своей индивидуальности хлебопекарное дело от начала до конца коллективное. Тысячи людей стоят за тобой — земледельцы. Тысячи — впереди: для них печешь. И рядом люди — товарищи по цеху, по смене, по заводу.

...Многие годы работал Страмнов у печи. И понял: по старинке трудиться — сил не хватит. Приспособления новые изобретал, вторгался в математику и химию каравая. Когда стал на ноги, когда уже не он, а у него учились, послали Страмнова в Гану.

— Приехал. Жарко, непривычно. Поставили передо мной задачу — помочь здешним хлебопекам освоить московский ассортимент. Поехал по пекарням. Сначала дело продвигалось медленно. Оборудование было похуже, чем в Москве, заметно похуже. А еще ведь на выпечку хлеба влияет и температура и влажность воздуха. Но примерно через месяц все стало налаживаться. Пошли буханки, батоны, булки, плюшки.

Как-то утром посмотрел на термометр, казалось, что он вот-вот разорвется,— так было жарко. Но ехать в пекарню надо. Я в шортах, в пробковом шлеме, но с портфелем. Бумаги в нем? Да нет, инструмент — скалки для раскатки теста, набор ножей для разделки.

Поставил тесто, высвободилось несколько минут, взял газету. А в ней сообщение: в Гану приезжают австралийские пекари, тоже учить. «Хорошо, коллеги же»,— подумал я. Но первая встреча обескуражила. Я работал тогда в пекарне «Стар бейкери». Дверь в помещение не закрывалась, и я не сразу заметил, как вошел австралиец. «Конкурент?» — спросил, не поздоровавшись. «Коллега»,— поправил я. «Бизнесмен?» — не унимался он. «Рабочий». «Не люблю пропаганды...» — буркнул австралиец.

Была суббота, пекло нещадно; словом, спорить было не с руки. Но и не ответить я не мог.

— Предлагаю пари, — сказал австралиец.

Я хотел было отделаться шуткой, а потом подумал: почему это с ним шутить? Пусть будет пари.

— Условия?

— Не повторяться, — предложил австралиец. — Выпекать только новые изделия.

Потянули жребий. Начинать должен был «мистер пекарь», как я уже назвал его про себя. Привычно раскатал тесто, умело, ловко нарезал. Красиво работал! Первая булка, вторая, десятая, двадцать пятая...

Я остановил коллегу: «Простите, мистер, такой хлеб уже был».

— Это случайно.

На сороковой выпечке австралиец сказал: «Финиш!» Он был явно доволен.

Настал мой черед. Сначала, конечно, волновался. А вскоре так увлекся, что и про соперника забыл. Только на шестидесятом хлебе почувствовал его руку на плече. «Достаточно», — хмуро сказал он, повернулся и пошел к выходу.

На другой день мы встретились на пляже. Он подошел, поздравил. И пригласил в Австралию. «Там вы хорошо заработаете». Я улыбнулся. «Приезжайте в Москву. Там вы многому научитесь». Может, и обиделся, не знаю...

— Не только в Гане знают русский хлеб, — продолжает Страмнов свой рассказ.— Нет, понятно. Наш ржаной каравай известен во многих странах. В Финляндии с помощью Всесоюзного научно-исследовательского института хлебопекарной промышленности налажен выпуск хлеба по советской рецептуре. Мне показывали тамошнюю рекламу: «Ленинградский хлеб. Питерский хлеб. Настоящий русский хлеб. Рецептура и закваски привезены из СССР». Наши пекари сотрудничают с коллегами из ГДР. В общем-то это понятно: русский ржаной хлеб лучший в мире. Всюду он популярен. И все же, как сказала поэтесса Фазу Алиева: «Ржаного хлеба жаркая буханка так хороша в родимой стороне»... Так ведь? — улыбается Геннадий Сергеевич. — Ежедневно в мире съедают многие миллионы килограммов хлеба. А это значит, продолжают стоять у печей тысячи пекарей. И в их ряду наши, с 22-го московского хлебозавода.

Мы разговариваем со Страмновым в его небольшом директорском кабинете. Только что ушел главный инженер, сидели над чертежами: на заводе вводят систему «Логика» — призвали на помощь современные машины и автоматы, чтобы еще более облегчить труд рабочих.

— Сейчас хлеб выпекают в огромном количестве. Автоматы, печи-силачи,— размышляет вслух директор,— но мы порой не думаем вот о чем: человечество, шагая семимильными шагами, иногда что-то теряет в этом размахе. Как сохранить лучшее?

Вот пример: вкусные домашние лепешки. Как поставить их на поток? Долго мы ломали головы, искали рецепты, провели сотни пробных выпечек. Пять — десять штук — получалось. Но не больше. Совсем замаялись, но не отступили. И решили эту проблему.

Выходят сейчас из цехов 22-го завода вкусные булочки по четыре в упаковке — объедение. Пекут на 22-м паляницу, штучную мелочь. Я обратил внимание, что предприятие охотно берется за сложную в работе продукцию — батончики и небольшие булочки. Это понятно: ведь небольшой хлебец обычно съедается без остатка.

И разговор наш словно сам собой переключается на бережное отношение к хлебу.

— Это не скопидомство! — говорит Страмнов.— Идет оно не от бедности, а от понимания того, что хлеб — достояние национальное. «Не забывай, сыну, о хлебе насущном. Я не верю в бога, но хлеб называю святым. Пусть и для тебя он на всю жизнь останется святым...» Так писал замечательному педагогу Сухомлинскому его отец. Посмотрите, как иной раз покупают хлеб в булочной — буханками, батонами. Да не по одному! А чуть зачерствел — и в сторону. Иногда слышишь: ну и что же, хлеб-то копейки стоит. Но есть вещи, которым нет цены! Хлеб — первый среди них. Очень здорово сказал Гиталов: «То, что хлеб у нас дешево продается, еще не значит, что он достается дешево».

Хлеборобы и хлебопеки — люди одного цеха. И это особенно чувствуешь здесь, на заводе.

Мы со Страмновым подходим к печам.

— На некоторых хлебозаводах мощные, высокопроизводительные печи иногда и простаивают. Наши новаторы сумели заполнить вынужденные паузы. Слесари собрали и сдали в эксплуатацию комплекс оборудования для изготовления «алтайских» рожков. Выпечка изделий возросла на 15—20 процентов. И качество на должной высоте. Отведайте и убедитесь сами... Иногда говорят: чем лучше на заводе техника, чем больше ее, тем хуже хлеб. Неверно это. Высокий уровень механизации необходим, он не мешает, а помогает поднять качество и сделать его стабильным.

Прощаемся с Геннадием Сергеевичем Страмновым, Героем Социалистического Труда, московским пекарем № 1.

— Наш коллектив успешно начал 1976 год, первый год десятой пятилетки. Но задел для пятилетки уже был. Хлебозавод приготовил подарочный каравай стоимостью в четыре миллиона рублей — именно на такую сумму еще в 1975-м мы произвели продукцию в счет 1976 года.

Фото А. Бочинина

Л. Полякова. Род. 1946. ВАНЯ. 1975.

Ю. Гариков. Род. 1941. СОЛОВЬИ. 1974.

интервью «огонька»

ЗЕМЛЯ, ОБИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

5 ИЮНЯ — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В. ВИНОГРАДОВ, председатель Президиума Всероссийского общества охраны природы

В нашей стране миллионы истинных друзей природы. Организация советского общества на социалистических началах помогает успешно решать наряду с социальными проблемами и проблемы экологии. Корреспондент «Огонька» Николай Быков обратился к академику ВАСХНИЛ Владимиру Николаевичу ВИНОГРАДОВУ с просьбой рассказать о том, как в Советском Союзе, в частности, в Российской Федерации, выполняются законы сосуществования человека и всего живого в окружающем его мире.

— Владимир Николаевич, за окном уже начало лета, и нет поры в году более прекрасной. Не этим ли объясняется, что Всемирный день окружающей среды решено отмечать именно пятого июня?

— Окружающий нас мир, за очень редким исключением, всегда прекрасен. Наша планета и, в частности, наша страна, настолько велики, что одновременно с весной в одном месте на ней вершится чудо молодого лета, в другом — щедрой осени, а где-то еще зима. Думаю, это лишь приятное совпадение, что день окружающей среды, день охраны природы в наших широтах приходится действительно на самую прекрасную пору, когда земля в черемуховом и яблоневом цвету, когда повсюду новая зелень, песни птиц врываются в города и только что отгрохотали первые грозы.

Земля — наш дом. Об этом нелишне напомнить. Земля — колыбель и обитель человечества. И во всей необъятной Вселенной наша зелено-голубая планета единственная в своем роде. Забвение этих истин может привести к непоправимым потерям. Сколько нас всех, обитателей Земли? Много, очень много, всех, пожалуй, и не сосчитать. Но всем надо существовать и сосуществовать, не затрагивая интересов друг друга. Я имею в виду и человеческое общество, и флору, и фауну. А ведь еще есть горы и недра, а еще — воды, в том числе великие и малые реки, Мировой океан, а еще жизнеспособный и такой незащищенный слой почвы, а еще голубая сфера — уникальнейшая в мироздании воздушная оболочка планеты. И все это существует в тесной взаимосвязи. Так вот, сохранить эту взаимосвязь, равновесие всех компонентов живой жизни — первоочередная задача человечества, вступившего на путь научно-технической революции небывалых масштабов. Можно и горы передвигать и реки поворачивать вспять,— подобное вмешательство технического гения человека бывает целесообразным, необходимым для лучшего устройства жизни. Но при этом нельзя забывать, что всякая попытка нарушить равновесие природы чревата серьезными последствиями.

К сожалению, все большее число людей отрывается ныне от природы, общение с растениями и животными ограничено настолько, что у некоторых начисто потеряно ощущение родственной связи со всем, что растет, дышит, развивается на планете. Это не может не сказываться на поступках людей, на их деятельности как созидателей.

Окружающая среда — понятие многогранное. Сложны связи человека и биосферы. Много брал человек взаймы у природы, брал от Земли, буквально из-под ног своих. Теперь самое время подумать о возвращении долгов. Восстановить поверженные леса, экологическое равновесие, плодородие почв распаханных степей, чистоту и полноводность рек и озер — вот работа на ближайшие годы, десятилетия.

— Когда вы осознали чудо природы, ее силу и красоту? Припомните, пожалуйста, при каких обстоятельствах это произошло?

— Отец служил в Каракумах. Среди песков со скудной растительностью и прошло мое детство. И вот я в России! Зеленый мир обступил меня, я окунулся в омут трав, надо мной шумело лесное небо России, я впервые увидел реки с водой, с густыми зарослями вдоль русел. Встреча с буйными травами, березами, соснами, черемухой ошеломила. Родилось новое мироощущение. Но подсознательно я не забывал о пустыне. Жила подспудная мечта о том, что кто-то должен передвинуть к людям пустынь леса, повернуть реки... Счастлив, что значительно позже мне пришлось принять участие в программе восстановления природы. Это стало делом моей жизни.

— А когда вы впервые особенно остро почувствовали необходимость защищать природу?

— Во время войны. Горели жилища, железо, реки и леса. Я видел в страдании умирающего человека — венец природы, обезглавленные сосны и дубы, кровоточащие березы, иссеченные осколками. Рушился прекрасный мир... Люди, защищая его, умирали в схватке с фашистами. Я был тяжело ранен, у меня появилось много свободного времени для размышления о ценности дарованной жизни, о необходимости жить и восстановить жизнь. Не только жизнь заводов и шахт, но и лесов, полей, тех заповедных мест Отечества, по которым проползло, просвистело убийственное железо войны. Когда-то я мечтал о техническом вузе, но, оправившись после ранения, поехал на берега Волги, поступил в Саратовский сельскохозяйственный институт, решил стать лесоводом-агролесомелиоратором. Что сказалось? С детства ощущал недостаток леса, реки.

С дипломом лесовода вернулся в пески, но не в Каракумскую пустыню. а в... низовья Днепра. Да, там, к моему удивлению, простиралась огромная зона подвижных песков. Украинские «каракумы»... Стал работать на опытной станции, занялся лесоразведением. Нужно было прежде всего остановить нашествие песков! Это было, как на войне... Сейчас там, в Херсонской области, семьдесят пять тысяч гектаров новых рукотворных лесов, десять тысяч гектаров виноградников и семь тысяч гектаров садов, создано несколько лесхозов и совхозов. Вот такой результат деятельности человека радует. До сих пор в области ежегодно сажают до четырех тысяч гектаров леса. Грибы появились! Белая акация дает нектар, мед из которого — лучший из всех медов! Но лес без птиц не лес. Сейчас биологи и лесоводы помогают пернатым новоселам обжить бывшую полупустыню. Пример преобразования приднепровской зоны подвижных песков я всегда привожу в доказательство тезиса: «Советские люди — созидатели».

Русская литература знает прекрасных певцов леса. По существу, человек жизнью своей обязан лесу. До сих пор лес дает ему более двух десятков тысяч предметов. Но главное, в наш век моторов, невыносимых городских шумов человек ищет отдохновение в лесу. Даже степной житель норовит уйти в лесопосадку, побыть под зеленой сенью.

— Высказывалось мнение, что человечество чуть ли не паразитирует на планете. Сказано чересчур сильно и, очевидно, в полемике. И все же какого рода деятельность человека наносит прямой вред природе?

— Односложного ответа быть не может. Однако, по-моему, при любых обстоятельствах не следует деятельность человека на Земле рассматривать столь пессимистически. Есть немало примеров удачного подчинения или изменения природных факторов. Хотя есть и примеры надругательства над природой. По данным Международного союза охраны природы, за три столетия полностью исчезли 36 видов млекопитающих и 94 вида птиц. Сейчас под угрозой около шестисот видов птиц, животных, растений. Другой пример. Известно, что в некоторых районах США дошло до того, что кислорода в воздухе даже для дыхания не хватает. В Нью-Йорке ежесуточно в воздух выбрасываются многие тонны окиси углерода и двуокиси серы, триста тонн промышленной пыли. С развитием индустрии нагрузки на землю, на природу вообще резко увеличились. Взять озонную сферу, этот экран защищает нас от всепроникающих космических лучей. Но земные аппараты рвут озонную сферу, и иногда в дыры-колодцы устремляется радиация, которая приносит непоправимый вред обитателям планеты. А возьмите нефть, ее уже и в открытом океане обнаружили! Химия. Ее продукты при неумелом, безграмотном пользовании также наносят удары по всему живому. Так же, как и химикалии, яды, спущенные заводами в реку. Или лесные пожары. Вулканы, смерчи зарождаются самопроизвольно, а пожар в тайге — дело рук безответственных людей, врагов природы.

Таких примеров много. Но важно знать и другое: научно-технические достижения дают возможность деятельно защищать природу, прогнозировать возможный

урон и тем самым избегать его. Есть в распоряжении человека технические средства, которые позволяют ему уже сегодня утилизировать многие отходы промышленности, потенциально вредные для биосферы.

— Владимир Николаевич, общество охраны природы — это содружество энтузиастов, преданных идее защиты всего живого на земле, в воде и воздухе. Расскажите о деятельности активистов общества природолюбов.

— Нашему обществу уже более полувека. В его рядах около тридцати миллионов человек. Недавно состоялся шестой съезд Всероссийского общества охраны природы. За пять лет нас стало больше на десять миллионов человек. Кроме того, у нас более семидесяти тысяч коллективных членов общества — это коллективы фабрик, заводов, школ, учреждений, научных и учебных заведений.

Следует помнить, что «Основной закон о лесах» был подписан еще в мае 1918 года. Уже шестнадцать лет в республике действует Закон об охране природы. Приняты постановления и по стране в целом. Отсюда и наши задачи — неукоснительно соблюдать закон, его дух и букву, не оставлять здесь без наказания ни одного правонарушения, защищать недра, воздух, поля, леса, реки, моря от посягательств варваров XX века, от человека неразумного, безответственного.

В активе нашем немало побед. Советские люди спасли от вымирания сайгаков, лосей, бобров и других животных. Известно, как дружно общественность встала на защиту Байкала, Селигера, чистого неба над индустриальными центрами (в частности, в Норильске), бассейнов Азовского и Черного морей, низовьев Волги. Мы отстояли Бузулукский бор, Самарскую луку.

Дел впереди много. Наш девиз: «За ленинское отношение к природе!» Вот, скажем, малые реки — несказанная прелесть, чудо отечественной природы. Но как много на них моторов! Каждая лодка, «запряженная» в три десятка «лошадей», убивает реку, буквально выплескивает ее на берег. Назрела необходимость принять закон о запрещении моторных лодок на малых реках страны.

Большая работа предстоит по защите зоны БАМа. Сейчас о судьбе природы Восточной Сибири и Дальнего Востока думают ученые десятков институтов.

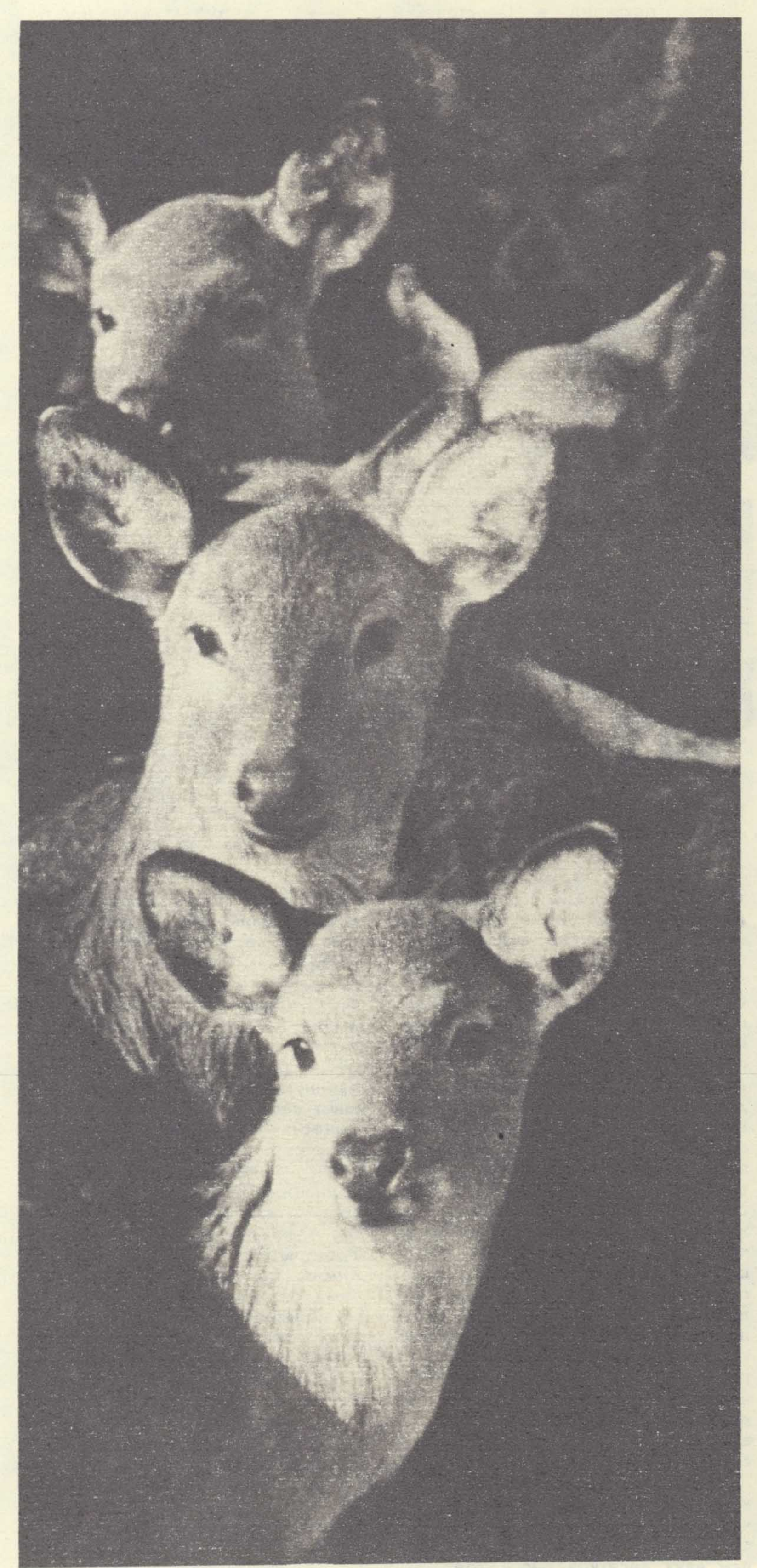
Наука решает проблемы использования природных ресурсов. Но сейчас очень важно сохранить эти ресурсы. Есть уже научные разработки по воспроизводству таких природных богатств, как плодородие почв, лес, речная рыба, некоторые виды трав и птиц. Это — новое в деятельности человека.

Еще хочу отметить с удовольствием: в нашем обществе пятнадцать миллионов юных друзей природы, школьных лесничеств, рядовых зеленого и голубого патрулей. Общение с флорой и фауной, участие в их защите — все это играет большую роль в нравственном и трудовом воспитании подрастающего поколения. Совесть пробуждается в общении с «братьями нашими меньшими», с саженцами, нежными всходами.

Биологи знают, что при попытке изменить растение надо действовать на точку роста. Молодежь — точка роста общества. Молодым жить после нас. От родителей, наставников зависит, кого оставим мы на Земле — хозяев или потребителей, слепо рубящих сук, на котором сами сидят. Им завтра самим принимать решения. Страна должна позаботиться об экологической грамотности своих граждан. Нельзя забывать, что среди нас живет пока и такой человек, который способен убить синицу выстрелом из «мелкашки». Просто так. От потребности убить заодно и личное время... Это дети с нашего двора иногда ловят голубей петлями, а воробьев протыкают заточенными велосипедными спицами. Это наши с вами соседи порой, отправляясь в туристские походы, вытаптывают, выжигают зеленые пригороды.

Экологическая грамотность поможет новым поколениям разумнее использовать блага технической революции, обяжет создавать новые экологические ниши, заповедники, национальные парки, где будет предоставлено место всем живым существам, дикой природе вообще, которую мы сегодня так безоглядно тесним. Пусть человек ведет себя в природе по-человечески!

Фото Б. КУЗЬМИНА

ТЫ ПРИМИ МОЮ ПЕСНЬ...

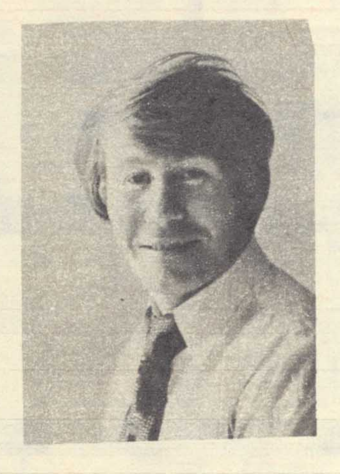
Ты прими мою песнь, луговое
раздолье зеленое.
Принакрылись холмы молодыми
дубками да кленами.
Потянулся туман над лещиною,
омутом, долами.
И пахнули боры земляникой,
грибами и смолами.
Не колись ты, чилига, своею
иглою царапистой!
Ты, родник, напои клокотливой
водой перекатистой,
Чтоб выносливым был, чтобы
круче плечо разворачивал!
Я работник земли, мое сердце,
как лето, горячее!
Предо мною поля. Предо мною
земля моя русская,
Роща тонких берез, до чего ж
на них кожица хрусткая!
Хлебородна земля, населенная
чудными птахами.
А над ней синева самолетами
вся перепахана,
Вряд ли где-нибудь есть в
нашем крае сельцо горемычное,
Куда раньше ходили одни
трактора гусеничные,—
Ширь дорог-непролаз разровняли,
умяли машинами,
След копытный истлел под
фасонными, дюжими шинами.
Ну так что ж воздыхать!
Запрягайся, машина железная,
Угощаю водицей — она
родниковая, свежая.
А теперь за дела, побыстрей
за работу, милейшая,
Хоть железная ты, а в руках моих
будешь живейшая!
Перед нами земля, даже если
она затверделая —
Взрыхлим, взбороним,
окультурим ее и возделаем!
Не чураться же нам супесчаником,
вязкими глинами.
У нас песня одна, а земля
и подавно единая!

ГРОМУЧАЯ ТУЧА

Взвивается ветер летучий,
Песок по верхвражью несет...
Какая громучая туча
Над вешней землею плывет!
Откуда она накатилась,
Да с градом еще заодно?!
Ведь почки едва распустились,
Проклюнуло пашню зерно.
Сметает, сдувает, курочит,
Подлесок под корень сечет,
Стропилины крыш кособочит,
Тесины заборные рвет!
Всю землю, как сено, взвихрила.
И слепнет от молнии глаз...
С какою губительной силой
Она навалилась на нас!
Не знаю, воспрянут ли почки,
Увидит ли солнце листок,
Но темную, влажную почву
Уносит к оврагу поток...

Геннадий МОРОЗОВ

...нний простор

НОВЫЕ ДОМА

Почти не видно крыш соломенных,
Дожили век свой кое-как.
Трухлявы прясла, ветром сломаны,
Зарос крапивой буерак.
Но вновь сады вокруг рассажены,
Плоды упруго ветви гнут...
А где омежник, у овражины,
Дома бетонные встают.
У них все крыши цинком крытые,
И вьются лестницы винтом.
А стекла, солнышком облитые,
Обтерты теплым ветерком.
Вознесены антенны дугами,
А стены белы, как зима!
При всем при том, а он с натугою,
Крестьянин, едет в те дома.
Он держится еще за пряслица,
За тын качливый, за плетень.
И оттянуть отъезд старается
И ждет с опаской этот день,
Когда к избе его облупленной
Пыхтя подкатит грузовик...
Но связь с землею не обрублена!
И ты не трусь, езжай, старик!
Не подведет машина умная...
Калитку шире раствори,
Сажай семейство свое шумное,
Всех внуков-правнуков бери!
Езжай, обласканный деревнею,
В высокий, чистый, новый дом.
И не жалей избенку древнюю
С щелястым, низким потолком.

●

Мокрым ветром листья сорваны,
Оголились тополя...
Распахнулась на все стороны
Охладелая земля.
Мелкий дождик знобко зыбится,
Аж до самых дальних гор.
Широко теперь мне видится
Полевой земли простор.
По утрам на зорьке-зорюшке
Там такая тишина!
Сколько в том просторе волюшки,
Сколько крупного зерна!
Нам для милой нашей Родины
Доброй силушки не жаль...
А дороги, что не пройдены,
Так тревожно тянут вдаль...

НА РАССВЕТЕ

Пришло рассвета время,
Долой с души покой!
Луч солнца, будто лемех,
Проходит бороздой.
Над лбом земли бугристым
Слоистый виснет пар...
На пашне ком зернистый
Упруг, пахуч, как вар!
И с хрупчатой чешуйки,
Петляя и юля,
Смолы стекают струйки
В расщелину комля.
И ты, коль есть сноровка,
Работай веселей,
И мастерски, и ловко,
А сердца не жалей!
И прочь гони усталость.
И пой, покуда смел...
Ведь жизнь — такая малость,
Такие горы дел...

НЕЗАБЫТОЕ

Нет, не дивные денечки
Я припомнил в этот раз,
Не угорья и не кочки,
Не плетневый перелаз.
Вспомнил нынче — ох, как надо
Мне об этом вспоминать,—
Как ходил я за приваду
Камни с берега катать!
Шел по осыпям овражка,
Да кувалдой камень бил,
Да возил его на баржу,
В тачке старенькой возил.
Дни стояли, ох, как жарки,
Пахло палью луговой,
И бугрилися лопатки
Под распаренной спиной,
Когда камешек в три пуда
Мы с напарником несли...
Разве я когда забуду,
Как нас гнуло до земли!
Нам ветра чубы взвивали,
Были крепки мы, ловки!
Пятки твердые стучали,
Как по доскам молотки!
Мы грузили баржи — деньги
Выдавали в кассе нам.
Мы от радости про Сеньку
Пели окским берегам.
Пели с присвистами, звонко,
Пыль штанинами мели...
И несли в свои избенки
Не копейки, а рубли.
Эти мятые рублишки
Нам пошли, конечно, впрок...
Обряжали ребятишек,
Сами были без сапог.
Жили мы голее голи —
Ни коровы, ни овцы...
Пашут матери на всполье,
Полегли в боях отцы...

ВЕСЕННЯЯ ПОРА

Берег речки водам тесен...
Солнце красное, что медь!
За талиною полесье
Начинает лиственеть.
Целый день блистают стекла,
И тиликает капель...
Затвердела и подсохла
На дупле еловом цвель.
Потянуло теплым, влажным,
Перелетным ветерком.
Почернела, вспухла пашня,
Пахнут хлевы молоком.
С холмогорья веет прелью,
Зеленеет лед реки...
Вербняки зарозовели...
Гей, кузнец, крепи плуги!
Солнце землю отогрело,
Черваница чуть зардела,
Забурлил ручей урча...
Эко дело закипело —
Наковальня горяча!..

МАСТЕРА ПЛОТНИЦКИХ ДЕЛ

На земле моей рязанской,
На земле моей заветной
Сколько добрых дел наделал,
Сколько слов сказал приветных!
Хоть и ростом мал... Ну что же?
Были руки золотые!
По деревьям избы ставил...
Ой живите, молодые!
Чтоб не плакалось — певалось
Чтоб под мирной белой крышей,
Дом ваш громко оглашался
Звонким смехом ребятишек.
Ой, живите, молодые!
Как вам хочется, живите!
Перед этим дивным миром
души настежь распахните!
Пусть работается любо,
отдыхается отменно!
Пусть не слышат перебранку
эти струганые стены.
Ой живите-поживайте,
доброй славы наживайте.
И не зарьтесь, не скупитесь,
есть обновы — обрядитесь!
Будьте счастливы и здравы!
Пусть живется, как поется!
Ведь изба стоит на взгорье —
Всеми окнами на солнце!

ТАБУН

1

Поникла трава, и пугливо
пригнулись цветы...
Несется табун, оскаляются
красные рты!
В гривах ветер свистит,
как смертельный свинец,
Бьет в подреберья упружистый
мускул сердец.
От зыклых копыт отлетает
подковная квель.
По супесям сыпким иглистый
дрожит можжевель.
Несется табун, гривы с ветром
переплелись.
Бунтующей кровью глаза лошадей
налились!..

2

И сам я сливаюсь и духом и телом
С горячим, как печка, конем!
Скачу с удальством, озорством
оголтелым —
Рубаха парит пузырем!
Живей, жеребец, крупным
крупом работай,
Ноздрями и глоткой храпя!
Ужели не чуешь — галопом,
наметом
Табун нагоняет тебя...
А норов строптив твой,
в нем бешенство пыла,
А ноги стройнее слеги!
Так вскинь же копыта и выкажи
силу,
А сердце не береги!
Ге-гей, жеребец, ты же гордый
и дюжий,
Твой гибок хребет и упруг!
Жми к шее плотней лопушистые
уши,
Жми грубую оброть из рук!
И резко, размашисто, как бы играя
Табун за собою веди...
Нас ждет, золотыми кострами
блистая,
Вольготная степь впереди!..

ПРОБУЖДЕНИЕ

Земля зовет веселым гудом
Ветров, раскатистых ручьев...
В овраг сползают снега груды,
Как синеватый цвет полуды,
Рябит разлом озерных льдов

Теплеют стены, сохнут крыши,
Краснеет гребень петуха...
На сеновале еле слышно
Скребутся под стрехою мыши,
Сенная сыплется труха.

Скрипят осевшие ворота,
Калитки цвякает кольцо...
А у околиц, за ометом
Кипит артельная работа,
У плотника в поту лицо!

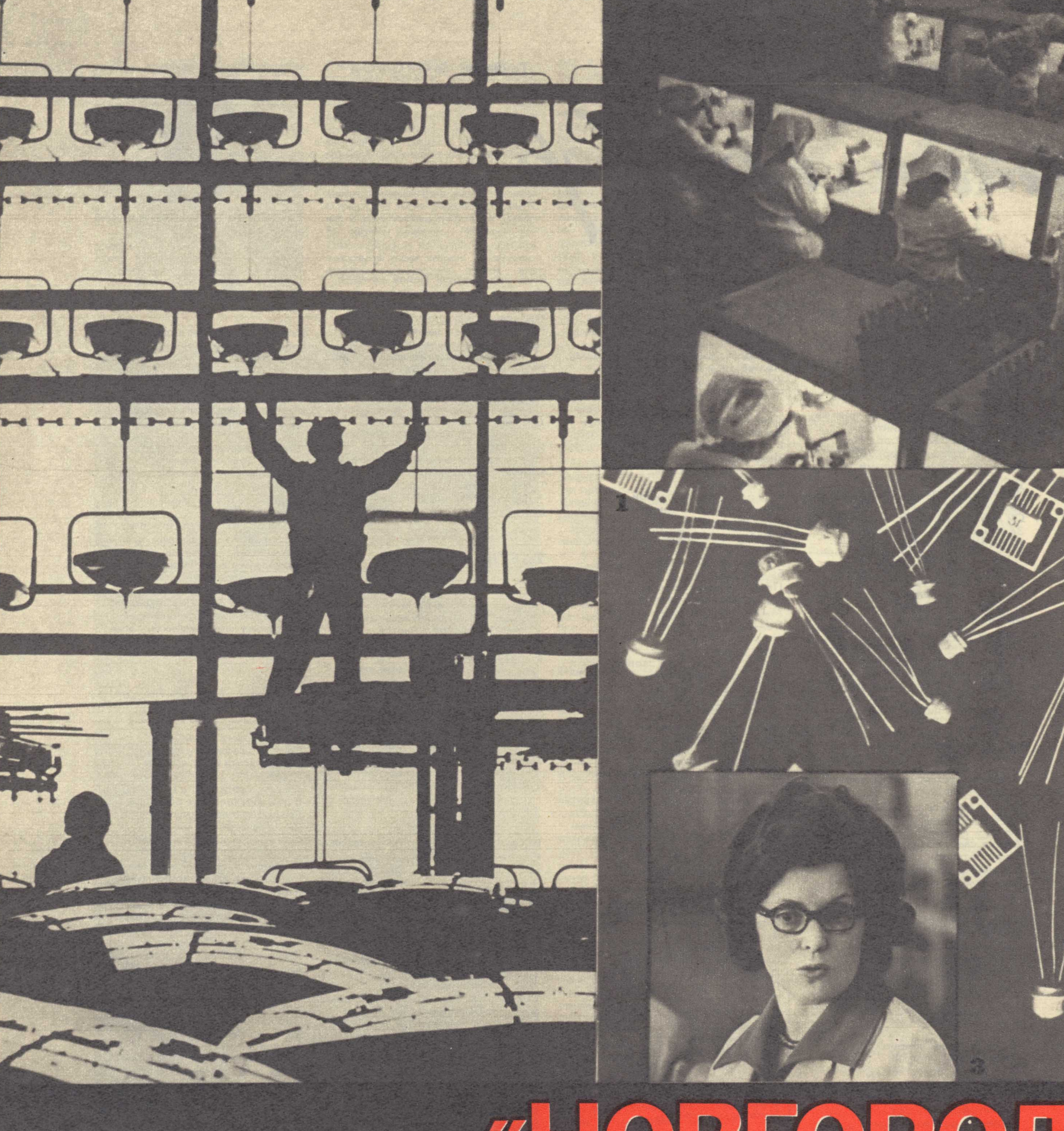
Скоблятся настругом стропила,
Свежи затесы и запилы,
Шершепкой выструган порог...
А от назьма блестящи вилы
И чист лопаты черешок.

Упрятав чуб свой под фуражку,
Веду прогонистую вспашку,
Сноровист трактор, точно конь!
Но плужная крепка упряжка,
А на руле моя ладонь!

ВРЕМЯ СЕНОКОСА

Ах, это время сенокоса —
Копешки свежего укоса,
Сенокосилки вжиг и звон,
И солнышко со всех сторон.
От ветра вздыблена рубашка,
В петлице теплится ромашка.
Рыжо подвялое сенцо,
Осветлено росой лицо.
В цветистых кофтах молодицы,
Волнисты праздничные ситцы,
Прически взбиты — хороши!
Как сердцу тут ни подивиться!
Какое солнце под ресницей!
Взгляни. Замри. И не дыши!
Для них работа, что прогулка!
Пышны их бедра, будто булки,
Глаза, что уголья, горят...
Парням глядеть на девиц любо!
Скарлычут грабли-редкозубы,
Сухое сено ворошат.

Вот парни сбросили рубашки,
Заткнули за ухо ромашки.
И, жмурясь от блестящих кос,
Широкой, шумною размашкой
Ведут к веретиям прокос.
Я сам люблю такую хватку —
Работать резво, до устатку,
До тяжкой в теле ломоты.
На лбу моем бугры и складки,
В работе цепки руки, жарки
И жилами перевиты!
И здесь, в кочкаристой низинке,
Где смачно чвакают ботинки,—
Осоки сочен травостой.
Его не выберешь косилкой.
И я, как деды, по старинке
Кошу литовкою-косой.
Коса поет, как горн горниста!
Лицо осунулось, землисто,
Прокос напористо веду,
Пусть не вразмашку и не быстро,
Зато убористо и чисто —
Тут вся работа на виду!..

1. Конвейеры Электровакуумного завода тянутся на десятки километров.

2. Секретарь Новгородского ГК КПСС, председатель Совета содействия техническому прогрессу Евгений Георгиевич Шляхта.

3. Валентина Алексеевна Кострова.

4. Директор Электровакуумного завода Юрий Николаевич Ененко.

5. Иван Васильевич Алексеев.

«НОВГОРОД
С Е

...СКОЕ ВЕЧЕ»... ...ГОДНЯ

Марк БАРИНОВ,
фото Г. РОЗОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

«ВСЕМЕРНО РАЗВИВАТЬ ТВОРЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ, НОВАТОРСТВО, ДВИЖЕНИЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ. УЛУЧШАТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ. СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ СИСТЕМУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Комсомольский работник в Ленинграде, первый секретарь райкома на Псковщине, партизанский вожак в годы войны. Снова партийный работник в том же северо-западном краю — в Новгороде. И вдруг тяжелое заболевание, смертельное, опасное. Вылечили, отлежался и получил приговор: если хочешь жить, уходи на пенсию! И это в пятьдесят-то три года! Не хотел смириться Иван Васильевич Алексеев, но пришлось. Ушел с ответственного поста, оформил пенсионную книжку и... уже через год полным ходом трудился в народном контроле. А еще через год ему предложили возглавить научно-технический кабинет при Новгородском горкоме КПСС.

С тех пор прошло несколько лет, и маленький кабинет вырос в Совет содействия научно-техническому прогрессу, в организацию, влиятельную и авторитетную, теснейшим образом связанную с десятками новгородских предприятий, с сотнями инженеров, техников, экономистов, руководителей производства.

— В чем основная идея создания Совета?— спрашиваю я Ивана Васильевича.

— Начну с того, что Совет — организация общественная и, я бы сказал, необходимая. Без преувеличения могу сказать, что она в значительной мере определяет техническую и экономическую политику новгородской промышленности. Судите сами, как бы ни были разнообразны направления специализации предприятий Новгорода, все они базируются на основе современных научно-технических достижений. А это значит, что есть единая платформа для их общения. Каждый специалист, каждый научный, технический, административный руководитель вносит в общую копилку знаний и опыта все самое интересное и новое со своего предприятия. Получается... ну, что ли, своеобразное «новгородское вече», но на базе научно-технического прогресса.

— Насколько помню, на вече и спорные вопросы обсуждались, и генеральные проблемы политики решались, и нерадивые на орехи получали,— принимаю я шутку.

— И вот, представьте себе, именно так у нас и получается.

— А почему Совет содействия научно-техническому прогрессу организован при городском комитете КПСС? Дело-то вроде хозяйственное, скорее при исполкоме надо бы...

— Дело прежде всего новое, трудное и тонкое. И потому его взял в свои руки Новгородский горком КПСС. Сейчас Совет уже пользуется большим авторитетом на предприятиях Новгорода. Впрочем, сами познакомьтесь с людьми, с нашими результатами. Сами и вывод делайте.

СКОЛЬКО СТОИТ ИДЕЯ!

Помните детскую сказочку-поговорочку: «Если собрать на земле все горы и сделать одну огромную гору, если собрать все моря и океаны и сделать один огромный океан...» Так вот представьте себе, если со всех предприятий города собрать контролеров, всех самых придирчивых борцов за качество, какая мощная сила соберется в этом огромном ОТК города! А если собрать также экономистов, плановиков, бухгалтеров, и даже не всех, а самых лучших, собрать главных инженеров предприятий... Впрочем, не надо «если» — так и сделано в Новгородском Совете содействия, и эти объединенные группы специалистов-руководителей называются секциями Совета.

...На любом заводе, любой фабрике, большое это предприятие или малое, есть склад или склады. Совсем простая задача: как организовать работу на складе, чтобы экономично использовать помещение, чтобы не перегружать излишней физической работой кладовщиков? Могут быть разные варианты решения этой простой, а на деле вовсе не простой задачи. На одном заводе, например, решили ее так. Изделия там на складе хранятся мелкие, но ассортимент их очень велик. Складское помещение похоже на пчелиные соты, которые возвышаются до самого потолка. Как быстро добраться до каждой такой «соты»? Придумали занятную тележку-лифт, работающую «на всех уровнях». Едет кладовщик по проходу, нажимает педаль и тут же возносится на высоту второго этажа, нажимает другую педаль и одновременно перемещает свою площадку вправо, и вот он уже возле нужной «соты». Отобрал необходимое, вернул свою умную тележку в исходное положение и едет дальше, прицеливается теперь куда-нибудь на третий этаж...

— Придумали тележки почти у нас за стеной, смотрите, вон там видны корпуса.— Директор Электровакуумного завода Юрий Николаевич Ененко показывает мне в окно здание.— Только это уже другое предприятие, совсем другой отрасли. И не встреться мы на заседаниях Совета в секции научно-технической информации, то так и не узнал бы я про их тележку. А теперь, пожалуйста, и у нас есть такие, сколько рабочего времени сэкономили.

В самом деле, в наше до предела загруженное большими и малыми делами время где еще встретиться руководителям производства? Было бы совсем неплохо, если бы новгородцы сумели подсчитать в рублях, в рабочих часах, сколько стоят идеи, усовершенствования, которые с помощью Совета разлетаются по предприятиям города. И вовсе не имеет значения, что одни из них работают в сложнейшей современной отрасли, скажем, электронике, а другие в таком древнем виде человеческой деятельности, как шитье одежды. Идеи нередко бывают универсальны по применению и посложнее, чем тележка-лифт.

...На фабрике «Весна», где шьют детскую одежду, трудится много женщин. Предприятие имеет хорошую репутацию и у себя в Новгороде, и в Москве, и в Ленинграде.

Есть такое понятие — входной контроль. Что это значит? Шьют, скажем, пальто. Работа идет по потоку: от работницы к работнице,— но передают они свои изделия одна другой для дальнейших операций не просто механически, а каждая проверяет качество работы своей подруги. И получается, что вся линия, все портнихи превращаются в один коллективный отдел технического контроля. Думали ли девушки, вводя такую систему на швейной фабрике «Весна», что они создают некую универсальную систему, пригодную для многих разнообразнейших по профилю заводов и фабрик Новгорода? Нет, не думали. Но пользу нововведения немедленно поняли Валентина Алексеевна Кострова и ее коллеги по секции качества Совета содействия. Провели семинар на «Весне», познакомились с опытом, составили и утвердили рекомендацию. А что такое

рекомендация? Это, можно сказать, результативная часть деятельности Совета. В каждой рекомендации излагается квинтэссенция опыта, и принятая Советом, утвержденная ГК КПСС (а председателем Совета содействия является секретарь ГК КПСС Е. Г. Шляхта, сам в недавнем прошлом директор одного из новгородских заводов), такая рекомендация подлежит неукоснительному исполнению.

Совет является великолепным инструментом для решения кардинальных задач, можно сказать, стратегического значения. На XXV съезде КПСС со всей силой прозвучало веление нашего времени: всемерное повышение эффективности работы во всех областях нашего народного хозяйства, повышение качества продукции!

Валентина Алексеевна Кострова руководит секцией качества и она же является по сво-

ей штатной должности главным контролером одного из крупнейших новгородских предприятий. Работа серьезная, ответственная. Выходит, двойная нагрузка? Вовсе нет, работа-то ведь не двойная, все идет на пользу делу.

Я начал рассказывать о разных секциях Совета, а закончил разговором об одной из них — секции качества. Но это соответствует логике жизни, логике требований времени. Качество! Сегодня это слово начинает все обсуждения, споры, обмен новостями.

...Кандидат технических наук Николай Никифорович Дедов среднего роста, крепкий, коренастый, стремительный, он производит впечатление взведенной пружины, готовой мгновенно расправиться, выбросив огромный заряд энергии. На мой удивленный вопрос, почему он, преподаватель политехнического института, кандидат технических наук и вдруг — председатель Совета мастеров, он спокойно отвечает, что был мастером на заводе, потом директором и, хотя теперь работает в институте, очень хорошо понимает, какое огромное значение имеет мастер на производстве.

— Мастер — это непосредственный руководитель рабочих, который каждодневно влияет на трудовой процесс,— говорит он.— Для того, чтобы современный мастер организовывал свое производство на уровне требований сегодняшнего дня, для того, чтобы он работал качественно, его надо учить на уровне последних достижений самой современной науки!

Все ясно. Слово «качество» было произнесено и здесь. Логика неумолимо ставит все на свои места.

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...

Я присутствую на заседании секции научной организации труда и управления производством. Повестка дня: «Опыт по разработке и внедрению мероприятий научной организации труда и управления на Новгородском заводе имени Ленинского комсомола». Заседание проводится на заводе.

На первый взгляд собрание как собрание. Президиум, доклады, сообщения. Все течет привычным, всем известным порядком.

Докладывает главный инженер, очень молодой, похожий на студента, докладывает начальник бюро НОТ завода, рассказывает об опыте разработки внедрения комсомольского проекта НОТ в одном из цехов завода заместитель начальника этого цеха. Все идет спокойно, неторопливо. Подходит время перерыва, присутствующие — специалисты со многих предприятий — собираются группами, негромко переговариваются. После перерыва председатель секции Е. А. Пуклин сообщает:

— В порядке подготовки заседания мы попросили группу членов секции познакомиться с постановкой дела на заводе, чтобы доложить тот самый вопрос, который вы прослушали до перерыва, но... с другой точки зрения, со стороны людей незаинтересованных. Докладывает начальник бюро НОТ завода «Волна».

И вот тут возникает драматургия. На лицах Е. А. Пуклина и сидящего рядом с ним ответственного секретаря Совета И. В. Алексеева мелькают едва заметные улыбки. («Ну, сейчас начнется!») Худощавое, острое лицо главного инженера В. И. Разживина становится подчеркнуто безразличным («Я доложил совершенно объективно, не сомневаюсь, что проверяющие ничего нового не смогут сообщить!»)

Я посмотрел в другой конец зала. Там сидели двое: начальник бюро НОТ Максимов, который уже доложил о постановке работы у себя на заводе, и начальник бюро НОТ «Волны» Иванов. Они о чем-то весело перешептывались, дружно посмеивались. Но в тот момент, когда председатель объявил выступление Иванова, словно волна отчуждения прошла между друзьями. Иванов подтянулся, встал, двинулся к трибуне. Максимов отвернулся к окну.

Да, критика — вещь очень непростая, подумалось мне.

У Иванова оказался очень мягкий, тихий голос, и это в сочетании с немного смущенной улыбкой производило впечатление, что перед нами человек застенчивый, нерешительный.

— Мы с интересом выслушали докладчиков, узнали о больших успехах в постановке научной организации труда и управления производством здесь, на заводе имени Ленинского комсомола. И поскольку любое явление имеет две стороны, а наши друзья... несколько поскупились на освещение этой самой второй стороны, я вынужден взять на себя неблагодарную роль рассказать о недостатках, обнаруженных нашей группой.

Он продолжал смущенно улыбаться, голос его оставался тихим и мягким.

Сообщение Иванова шло под бурную реакцию присутствующих «хозяев». То главный инженер перебивал Иванова протестующей репликой, то вскакивал молодой заместитель начальника цеха, то Максимов возмущенно вставлял свое замечание. Зал то замирал в безмолвии, то взрывался веселым или саркастическим смехом. Ни председатель секции, ни Алексеев не делали ни малейшей попытки «навести порядок». Тем более, что Иванов, стоя на трибуне, молчал, пока его перебивали, а потом своим тихим голосом спокойно продолжал говорить об обнаруженных недостатках.

После такого выступления, естественно, посыпался град сообщений, возражений, поправок, предложений. Говорили и хозяева и приглашенные с других предприятий. Спорили, выясняли истину. Ведь дело было не столько в темпераментах присутствующих, в самолюбии хозяев (завод, известный в стране, награжденный орденом Октябрьской Революции). Дело было в том, что вот здесь, сейчас рождались знаменитые рекомендации Совета.

Наконец ответственный секретарь секции зачитывает проект, а потом после поправок сами рекомендации.

Все. Председатель объявляет конец заседания, а главный инженер приглашает присутствующих осмотреть цеха.

Я шел вместе со всеми по сверкающим чистотой и красотой цехам завода, недоумевал, о чем же, собственно, можно здесь спорить, что критиковать в этом царстве порядка и организованности, и думал о том, что глаза коллег и друзей в десять раз зорче, чем глаза любого самого строгого ревизора.

И еще я вспомнил слова председателя Совета содействия — секретаря Новгородского ГК КПСС Евгения Георгиевича Шляхты, сказанные им при первом нашем знакомстве: «Я не представляю себе, как бы мог работать, если бы вдруг не стало нашего Совета».

Тогда эти слова мне показались чуть-чуть излишне многозначительными, теперь я понял, что он был предельно точен. Все дело в уровне. Совет содействия научно-техническому прогрессу явился мощным стимулом, поднявшим научно-техническую мысль, требовательность к себе и производству на новую ступень качества.

Вот оно, «новгородское вече». Заседает секция качества.

Исполняется 177 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Стали ежегодными пушкинские праздники поэзии в Москве, Ленинграде, Михайловском, Болдине и других местах нашей Родины, связанных с жизнью и творчеством ее великого сына.

Открываются и заново возрожденные музеи А. С. Пушкина. Сегодня мы рассказываем об одном из них — пушкинском лицее. Около двадцати лет отдала исследованиям и поискам, увенчавшимся открытием музея, его прежний хранитель М. П. Руденская. Сейчас коллектив Всесоюзного музея А. С. Пушкина возобновил бытовавшую ранее традицию: 19 октября — «Лицея день заветный», а в январский день торжественных экзаменов, памятный присутствием Г. Р. Державина, звучат в старых стенах лицейские стихи Пушкина.

Евгения ИВАНОВА,
старший научный сотрудник
Всесоюзного музея А. С. Пушкина

Фото Н. АНАНЬЕВА

Формы здания, простые украшения, характерные для классического стиля, светлая окраска производят впечатление строгости и приветливости. Все четыре этажа различны по высоте, это подчеркивается размером окон.

По свидетельству Пущина, «в нижнем этаже помещалось хозяйственное управление и квартиры инспектора, гувернеров... Во втором — столовая, больница с аптекой, конференц-зала с канцелярией; в третьем — рекреационная зала, классы... физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека в арке... В верхнем — дортуары».

Прежде чем наступил день открытия лицея, большой зал третьего этажа, расписанный знаменами и доспехами, украшенный золочеными зеркалами, видел взволнованные приготовления и репетиции.

Наконец, 19 октября 1811 года по первому санному пути съехались в Царское Село именитые гости. В зале для них поставлены были ряды кресел, между колоннами, покрытый скатертью с золотой бахромой, возвышался стол; центральные места заняли Александр I, министр просвещения А. Разумовский, директор департамента И. Мартынов. Справа от стола — воспитанники, стоящие в три ряда; каждому предстоит выйти вперед, когда огласят список. И у каждого заблестят глаза, когда начнет говорить их будущий наставник А. Куницын: «К вам обращаюсь я, юные питомцы... Любовь к Славе и Отечеству должны быть вашими руководителями».

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛИЦЕЙ!

«В начале жизни школу помню я...»

Пушкину исполнилось 12 лет, когда решалась судьба его дальнейшего воспитания и образования. Будущего поэта определили в Императорский Царскосельский лицей, только что основанный Александром I и уравненный в правах с университетами.

Для лицея был отведен четырехэтажный флигель дворца, построенный еще при Екатерине II.

«Учреждение лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной,— было написано в уставе лицея. — ...Воспитанники при их приеме должны иметь от роду от 10 до 12 лет и притом представлять свидетельства о своем дворянстве...»

Удостоенным принятия предстояло стать «столпами Отечества», совершенствовать российские законы, быть гордостью россиян. Это было время больших надежд и больших свершений, время близких революций, время героев, оно воспето питомцем лицея Пушкиным:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Память о лицее счастлива обилием документов, исследований, посвящений. Воспоминания воскрешают дни будничные и торжественные. Здесь живут стихи Пушкина. Ступени парадной лестницы эхом повторяли здесь шаги В. Малиновского (первого директора лицея), лицеистов Дельвига, Кюхельбекера, Пушкина... и Державина, старческой походкой поднявшегося по ступеням в большой зал, чтобы услышать кудрявого отрока, пролить слезу над «Воспоминаниями в Царском Селе» и воскликнуть восторженно: «Вот кто заменит Державина!»

Лицей стал колыбелью будущих декабристов, мореплавателей, государственных деятелей, поэтов. Но воспел его Пушкин.

«При самом начале — он наш поэт»,— вспоминал И. И. Пущин. Друзья по лицею твердо были уверены (по словам Илличевского), что «лучи славы его будут отсвечиваться в его товарищах». Дельвиг писал в 1815 году:

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

«Здесь каждый шаг в душе рождает Воспоминанья прежних лет...»

Стройная арка с тремя пролетами соединяет дворец с лицеем.

«Златые дни, Уроки и забавы...»

8 профессоров и 6 учителей изящных искусств должны были способствовать образованию воспитанников.

В этих стенах лицеисты слушали лекции о великих характерах, героических образах прошлого, изучали римское право и своды законов. Малиновский и Куницын считали одним из главных условий переустройства России подготовку «искусных законоведцев».

Восстановленный сейчас в лицее учебный класс был рассчитан на 30 воспитанников. В нем шесть полуциркульных столов (по пять мест в каждом), поднятая на три ступени кафедра, классная доска. Места в нем распределялись так, чтобы «...отличные воспитанники занимали высшие (первые) места, а желающие оные оспаривать всегда имели на то право».

Здесь поведал с кафедры историю об «ужалении князя Олега змеей» Кайданов; в 1822 году она воплотилась в пушкинскую «Песнь о вещем Олеге». Пылкий Куницын, руководствуясь Адамом Смитом, читал здесь лекции по наукам политическим:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Здесь же за пять минут до конца урока в послеобеденном классе Кошанского звучало: «А теперь, господа, будем пробовать перья! Опишите мне, пожалуйста, розу стихами». «Наши стихи вообще не клеились,— вспоминает И. И. Пущин,— а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которые всех нас восхитили».

Двусветный учебный класс (с потолком, расписанным знаками зодиака, с глобусами, земным и небесным), классы пения, рисования, приготовления заданий — они воскрешают перед нами то время:

Златые дни! Уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов!

Занятия чистописанием сменялись уроками танцев, фехтование — юношеским хором. Как клятву, произносили здесь слова лицейского гимна:

Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет,
В несчастьи гордое терпенье,
А в счастьи — всем равно привет!

■

Лицей. У входа в музей.

Здесь юный Александр Пушкин прожил шесть лет.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Большой зал лицея.

«Пушкин — лицеист». Скульптор Г. Гликман.

Отсюда взял Пушкин формулу «Храните гордое терпенье», которая известна нам по строкам его послания в Сибирь.

«Чтение питает душу, образует разум, развивает способности; по сей причине мы стараемся иметь все журналы»,— писал лицеист Илличевский. Лицейская библиотека, которая пополнялась приобретением русских и иностранных газет и журналов, увидела на своих полках имена лицейских поэтов Дельвига, Илличевского, Кюхельбекера, Пушкина. Составлялась она из лучших сочинений отечественных и иноземных писателей. Начало ей было положено учебными книгами, журналами, личными библиотеками, которые разрешено было привезти в лицей воспитанникам. В шкафах и ныне увидит посетитель книги с экслибрисом александровского лицея, на многих номер и надпись «Департамент просвещения», на некоторых дарственные надписи: «За благонравие и успехи». За чтением проходили утра, дни, вечера:

На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.

Лицеисты воспитывались «при непрестанном трении умов», они прожили здесь безвыездно шесть лет и называли друг друга часто номерами, присвоенными им при поступлении. «Так и вижу их над дверьми и на левой стороне воротника шинели», — писал 70-летний И. Малиновский, вспоминая пребывание в лицее.

Пушкину достался № 14, Пущину — № 13. Жанно Пущин был единственным соседом Пушкина (с другой стороны его комнаты оказалась глухая стена). Мерные шаги «дядьки» (дежурного) всю ночь слышались в коридоре 4-го этажа, где были дортуары воспитанников; на каждой двери — черная дощечка с номером и фамилией лицеиста, решетка, до половины прикрытая занавеской, напоминающая о страже дисциплины, на двоих — одно окно.

В этих стенах, в переходах, классах — всюду здесь возникает образ юного поэта и его лицейских товарищей.

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим
и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью
дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир
чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Разные пути ждали воспитанников Царскосельского лицея. Но до конца жизни сохранили лицеисты верность своему союзу, они остались верны клятве дружбы, гениально выраженной в бессмертных пушкинских строках.

■

Библиотека.

Устав Императорского Царскосельского лицея и государственная печать.

Глобус начала XIX века.

«Являться муза стала мне».

Учебный класс.

БОЛЬШЕВИКИ ХУТОРА ТАТАРСКОГО

Сергей **СЕМАНОВ**

«Тихий Дон» — крупнейшее литературное произведение нашего столетия. Глубина шолоховской эпопеи безгранична. В ней нашли художественное выражение основные принципиальные явления нашей революционной эпохи.

В преддверии VI съезда советских писателей мы вновь и вновь обращаемся к творчеству классика советской литературы М. А. Шолохова. Роман «Тихий Дон» дает яркий пример изображения действительности в революционном развитии.

Художественно совершенны образы большевиков в романе. Они написаны столь объемно, что для каждого из них можно составить своего рода литературную «биографию». Опыт такой биографии литературного героя содержится в публикуемой ниже работе, где автор прослеживает судьбы Михаила Кошевого и Ивана Котлярова, соотносят их с реальными историческими событиями.

МИХАИЛ КОШЕВОЙ

Михаил Акимович Кошевой родился, как можно предположить, около 1893 года (он призывается на службу по крайней мере на год позже Григория Мелехова: в первую половину 1914 года он еще в Татарском). Михаил крепок, весел, со светлым вьющимся чубом. Он выходец из бедной семьи. Отец его, как вспоминает дед Гришака, служил у Коршуновых в работниках. Умер, видимо, рано, так как Михаил — старший в семье, а у него несколько малолетних братьев и сестер. Семья осталась большая, и Михаил с молодых лет должен был подрабатывать, батрача у Коршуновых. Позже он скажет деду Гришаке: «...мой папаша на вас до самой смерти работал, и я перед войной вашу пшеницу молотил, молодой живот свой надрывал вашими чувалами с зерном...»

Мирон Коршунов был хозяин строгий и прижимистый, Михаилу, надо полагать, нелегко давался кусок хлеба. Не случайно на него, совсем еще молодого парня, лет двадцати, обратил внимание подпольщик Штокман и ввел его в нелегальный кружок. На беседах у Штокмана Михаил, видимо, больше молчит, но слушает внимательно и запоминает крепко. Он грамотен — окончил церковноприходскую школу, свободно читает. В остальном Михаил по-прежнему ведет себя естественно для молодого человека: погуливает с «жалмерками», ходит со своим другом Григорием Мелеховым на игрища, церемонно-трогательно ухаживает за его сестрой Дуняшкой. И даже в разгар мировой войны, наглядевшись на кровь и смерть, много испытав, он с полушутливой горячностью говорит приятелю: «Я, парень, жадный до жизни стал — как вспомню, сколько на свете красивых баб, аж сердце защемит! Вздумаю, что мне их всех сроду не придется облюбить,— и кричать хочу с тоски!.. А то тоже с большого ума приладили жизню: всучут одну тебе до смерти — и мусоль ее... нешто не надоисть?»

Кошевой воевал в 12-м Донском казачьем полку вместе с Григорием Мелеховым. Об этом периоде его жизни рассказано очень скупо. Как будто он не получил ни чинов, ни наград, но солдат был смелый и умелый: однажды Михаила, засланного с товарищем в передовой дозор, берут в плен, оглушив прикладом, немцы; когда его волокли, он очнулся и убежал, сумев увернуться от выстрелов.

Семена, заброшенные в его душу революционером Штокманом, постепенно прорастают, жестокость бессмысленной бойни тому способствует. Михаил хорошо запомнил слова своего воспитателя об империализме и переделе мира, о власти богатых. Он разносит эти идеи казакам. Однажды Григорий Мелехов изложил полчанину Чубатому кое-что из того, что услыхал в госпитале от большевика Гаранжи. Чубатый враждебно сказал: «Об этом Мишка Кошевой, как кочет с плетня, трубит. Толку-то нету от этих революций, баловство одно». Примечательная реплика: значит, Михаил открыто пропагандировал среди казаков революцию, хотя, видимо, и в самой упрощенной форме. Он стал инициатором «ареста» щей, сваренных из гнилого мяса, понес котелок, где плавали черви, командиру сотни в сопровождении негодующих казаков. Он первый предложил уряднику отпустить задержанных казачьим дозором дезер-

тиров — усталых, измученных солдат, которые бегут с фронта.

Михаил возвратился в родной хутор не ранее середины декабря 1917 года вместе с большой группой сослуживцев по 12-му полку. Первые месяцы бурного 1918 года проводит дома. Он не воевал в отряде Подтелкова, как Григорий, не сражался в красногвардейских частях в Донбассе, как Валет. Видимо, он участвовал в собрании хуторских фронтовиков (в тексте романа отмечено: не явились только Митька Коршунов и Петр Мелехов, оба настроенные крайне враждебно к революции); там по жребию избирали делегатов на съезд казаков-фронтовиков области.

Вновь Михаил Кошевой оказывается в фокусе повествования 23 апреля 1918 года (дата в романе приведена по православному календарю: «на шестой неделе поста, в среду»). После утренней рыбалки его встречает на берегу Валет, сообщает: вот-вот начнется мобилизация в белоказачью армию, надо бежать к красным. Кошевой соглашается быстро, он тут же снимает рыболовные снасти («Не пропадать же им», — рассудительно объясняет он). Колебания Григория, Христони и Котлярова не влияют на его решимость. При расставании он проницательно заметил: «Прощевайте... Расходются, видно, наши тропки!» Сильной и твердой натуре Кошевого чужды сомнения, он более никогда не свернет с избранного пути, хотя не раз вынужден будет отступать и таиться.

Забрав харчей из дому, Михаил вместе с Валетом пешком двинулись на поиски красных. Шли наугад. «На вторую ночь» вышли из Каргинской, а перед рассветом поймал их казачий конный патруль. Обоих гнали недолго: выстрелом в спину Валет был убит наповал. Михаилу повезло: один из сослуживцев по 12-му полку опознал его, пожалел. «Через три дня», то есть 23 апреля, военно-полевой суд в Каргинской приговорил Кошевого к публичной порке: «двадцать горячих». Его мучил стыд («вся станица — и стар и мал — смотрела»), но держался он крепко. Один из поровших его казаков позже сказал с шутливым уважением: «А крепок ты, паренек: раза два рубанул я тебя неплохо, хотелось, чтоб крикнул ты... гляжу: нет, не добьешься от этого крику. Надысь одного секли — обмарался голубок. Значит, кишка у него тонка».

На другой день после экзекуции Кошевого отправляют на фронт против красных. Однако с полдороги его по распоряжению вешенского атамана вернули домой. Оказалось, что мать Михаила, «ползая на коленях на хуторском сборе, упросила стариков», и те подали прошение освободить его от службы как единственного кормильца в семье; хлопотать за него ездил в Вешенскую сам Мирон Григорьевич Коршунов и добился-таки освобождения Михаила. Его определили атарщиком (конюхом) в станичный конный завод.

Но потрясения ничуть не сломили Михаила, не согнули его, он знает свою цель и ждет своего часа. Напарник, прикинувшись сочувствующим, стал его расспрашивать. Неопытный Кошевой откровенничает: «Не должно быть ни панов, ни холопов. Понятно? Этому делу решку наведут». Напарник приходит в ярость. «Ты, сукин сын, казачество жидам в кабалу хотел отдать?! — крикнул он пронзительно, зло». Началась драка, Михаил едва оторвал от себя противника. Тот угрожает доносом. Подавив в себе остро вспыхнувшее желание убить, Михаил начинает упрашивать его не поднимать шума, упрашивает долго и терпеливо, не жалея уничижительных выражений. Наконец тот, отбрасывая протянутую Мишкину руку, сказал: «Крутишь хвостом, как гад! Ну да уж ладно, не скажу. Дурость твою жалею... А ты мне на глаза больше не попадайся, зрить тебя больше не могу! Сволочь ты! Жидам ты продался, а я не жалею таких людей, какие за деньги продаются».

Эпизод этот важный, на нем следует остановиться. Как всегда, М. Шолохов не знает никакого снисхождения к своим героям (у Михаила все время объяснения с напарником «дрожала челюсть, растерянно бегали глаза»). Но присмотримся... Ясно, что Кошевой испуган возможными последствиями доноса: еще бы, совсем недавно на его глазах уводили в Каргинской на расстрел людей, заподозренных в большевизме, это же понимает и его противник («Как Подтелкова, тебя надо! На сук!» — кричит он, стервенея). Но разве страх за собственную жизнь, и только, движет Михаилом? «Донесет... набрешет... Посадят в тюрьму... На фронт не пошлют — значит, к своим не перебегу. Пропал!» — молнией проносится у него в мозгу в кульминационный момент ссоры. Дело, оказывается, не в собственной шкуре, как ни дорога она для любого смертного, дело в ином: Михаила не так уж заботит личная безопасность, главное — возникает новое и очень серьезное препятствие на пути присоединения к общему делу, которое он избрал себе на всю жизнь («на фронт не пошлют», сожалеет он, «к своим не перебегу»). Вот как следует понимать трагический вывод: «Пропал!» Он, Кошевой, может пропасть для общего дела, для революции, для новой России, где не будет «ни панов, ни холопов», вот в чем суть!

И еще: Михаил в этой сцене уже не чубатый юноша, сожалеющий, что ему всех баб «не придется облюбить», он зрелый человек, перед ним ясная цель, он знает, зачем и для чего существует на свете. Поэтому он сдерживает в себе желание немедленно расправиться с оскорбителем, терпеливо сносит унижения,— все мелкое, личное готов отдать он ради общего дела — своего и своих товарищей.

Эпизод на конном заводе следует считать ключевым в развитии характера Кошевого. Простоватый, чуть легкомысленный юноша-казак исчезает, возникает суровый, неколебимый боец революции.

Выдержка не оставила его и впоследствии. «Служил Кошевой исправно», говорится далее, поэтому в первых числах августа 1918 года его отозвали с конного завода. Он «собрался в два счета», — ведь мог попасть на фронт, а далее — «к своим». О дальнейших приключениях Михаил позже рассказал Григорию Мелехову так: «...и в штрафной сотне на Калачовском фронте был. Где только не был! Насилу домой прибился. Хотел к красным на фронте перебечь, но за мной глядели дюжей, чем мать за непробованной девкой глядит». Кошевой говорит скупо, и более ничего об этом отрезке его жизни в романе не сообщается. Но ясно, что хлебнул он на фронте достаточно, ведь ему довелось побывать под Царицыном («на Калачовском фронте», как он выражается), где как раз с октября по начало января 1919 года (по новому стилю) шли ожесточенные бои — здесь-то и понесла основные потери белоказачья армия генерала Краснова.

Михаил вернулся в Татарский вместе с другими казаками после развала красновского фронта, случилось это, как можно предположить, в начале 1919 года. В хуторе восстанавливается Советская власть. На сходе выбирают председателя Совета, им становится Котляров, а Кошевой — товарищем председателя, по-современному — заместителем.

Классовая борьба в хуторе вскоре обострилась, и обострилась небывало, вот-вот должна была пролиться первая кровь своих же, хуторян. Михаил отчетливо сознает приближение кровавой схватки и со спокойной твердостью готовится к ней. Молча выслушивает он злой спор между Котляровым и Григорием Мелеховым, а некоторое время спустя решительно предлагает: «Я так думаю, надо нам кое-кого... Григория Мелехова надо взять, старика Болдырева, Матвея Кашулина, Мирона Коршунова. Нашептывают они, гады, казакам... Своих из-за Донца ждут» (Михаил тут имеет в виду фронт, проходивший в конце зимы по рубежу Северского Донца, в двухстах километрах от Вешенской). Характерно, что Кошевой приходит к такому суровому решению вполне самостоятельно: Штокман еще не приехал, а Котляров колеблется. Кроме того, Григорий Мелехов не только старый друг Михаила, но и человек, ранее имевший на него большое влияние, да и сестра Григория — невеста Михаила. Как видно, преданность Кошевого делу новой России велика.

Новая встреча со Штокманом, наставления профессионального революционера еще более укрепляют решимость Кошевого. Он искренне уважает своего учителя, но относится к нему безо всякого подобострастия, как к старшему и более опытному товарищу. Когда Штокман несправедливо, по мнению Михаила, упрекает его, он «взбесился», заорал: — А ты глазами не играй!..» Михаил Кошевой — плоть от плоти своего народа, поднятый великой революцией с самых низов его. Он еще наберется политического кругозора, к нему придет революционный опыт, и он без подсказки сможет понять многое, чего еще не понимает сейчас. Порукой тому — крепкая, самобытная натура Кошевого, его решимость до конца служить новой России, невзирая ни на какие прошлые пристрастия и старые связи.

В дни начала Верхне-Донского мятежа, то есть в первых числах марта 1919 года, Михаил с кучером Емельяном поехал в Вешенскую, чтобы узнать, когда будет там собрание комъячейки: он вместе с Котляровым, Емельяном, вальцовщиком Давыдкой и чеботарем Филькой «решили оформить свою партийную принадлежность». Сделать это он не успел: станицу охватил мятеж. Им удалось ускользнуть невредимыми, но уже при въезде в Татарский их встретили вооруженные казаки. Емельяна тут же убили, а Михаила, раненного и потерявшего сознание, бросили у плетня. Вечером он очнулся, нашел в себе силы подняться и спрятался в сарае у Степана Астахова: тот разрешил ему переночевать, не выдал его. На другую ночь Михаил пробирается к матери, узнает, что его искали, что Фильку и Тимофея убили, а Штокман и Котляров бежали куда-то. Он остался один во враждебном хуторе, его тут все знали, а «где были свои — Мишка не представлял». На миг он поддался слабости, и «заплакал, по-ребячьи всхлипывая, пуская ртом пузыри». Но собрался, не мешкая, и по ночной дороге поскакал в сторону станицы Усть-Медведицкой.

Он угадал правильное направление и соединился со Штокманом, Котляровым и другими, благополучно скрывшимися от мятежников в 4-м Заамурском полку. Вместе с ними Кошевой принял участие в первом бою против повстанческих сотен: Петр Мелехов с несколькими другими казаками-хуторянами были пленены в исходе неудачного для повстанцев столкновения. Кошевой хладнокровно застрелил Петра из нагана...

В последующие дни он со Штокманом и другими сражается против мятежников в разных частях Красной Армии, пока не оказываются в Сердобском полку. Очевидно, Михаил вступил в партию; об этом прямо не говорится ничего, но Иван Алексеевич — уже коммунист, а они ранее собирались подавать заявление о приеме вместе; видимо, так и произошло. В полку зреет белогвардейский мятеж, но накануне, в ночь на 28 апреля, Штокман послал Михаила с донесением. Он избежал расправы, его товарищи погибли.

Кошевой очутился затем при штабе бригады экспедиционных войск — вероятно, в качестве посыльного, ибо в тексте романа есть краткое упоминание, что он развозит по частям штабные документы. 19 мая (дата названа точно) он направляется «со спешным пакетом» в штаб одной из частей. Развивается наступление Красной Армии на повстанцев, дислокация войск запутана, и Михаил в конце концов остается в 294-м Таганрогском полку при конной разведке.

Кровавые перипетии гражданской войны ожесточили его. «После убийства Штокмана, после того, как до Мишки дошел слух о гибели Ивана Алексеевича и еланских коммунистов, жгучей ненавистью к казакам оделось Мишкино сердце. Он уже не раздумывал, не прислушивался к невнятному голосу жалости, когда в руки ему попадался пленный казак-повстанец. Ни к одному из них с той поры он не относился со снисхождением. Голубыми и холодными как лед глазами смотрел на станичника, спрашивал: «Поборолся с Советской властью?»— и, не дожидаясь ответа, не глядя на мертвеющее лицо пленного, рубил. Рубил безжалостно! И не только рубил, но и «красного кочета» пускал под крыши куреней в брошенных повстанцами хуторах».

Вскоре (как можно установить — в начале июня) Михаил оказывается в родном хуторе, только что отбитом у мятежников. В доме Коршуновых он убивает старого, больного, уже тронутого умом деда Гришаку. Сцена этого убийства необычайно тяжела. Затем он поджигает богатый коршуновский курень, сарай и амбар. Деловито и хладнокровно проделав все это, Михаил, выпивший перед этим, спокойно «спал в соседней леваде, под тенью оплетенных диким хмелем терновых кустов».

Здесь требуются пояснения. Очевидная жестокость Кошевого как-то обходится доброжелательными к нему толкователями или, напротив, злорадно педалируется при враждебном отрицании Октября, например, некоторыми белоэмигрантскими публицистами. В последнем случае дело несложное, идеологическая основа ясна. Другое — стыдливая «защита» Кошевого умолчанием. По этому поводу исключительно точно заметил П. Палиевский, утверждая, что споры о Кошевом «ведутся иногда так, как будто он отвечает за всю Советскую власть», меж тем как он «ведь на самом деле первый, пробный и неизбежно для этого времени случайный ее исполнитель — далеко не всегда выразитель — и тем более не истолкователь».

И верно, Кошевой не может отвечать за всю Советскую власть, поэтому «недостатки» его (равно как и «положительные стороны») никак не должны быть жестко сопряжены с социальными признаками новой России. Да, он жесток на войне, расправляется с безоружными пленными, сжигает дома, да, это так, но надо помнить, что Ленин и ленинская партия всегда противились подобному свирепому самоуправству и боролись с ним на всех этапах революции и гражданской войны — боролись сурово и беспощадно. Вспомним, как круто расправилось Советское государство с участниками так называемых «пьяных погромов» в Петрограде в конце 1917 года или с полууголовными шайками анархистов весной 1918-го в Москве, и многое другое в том же роде, а ведь участники этих провокационных действий заявляли себя революционерами (да еще какими!) и вопили о ненависти к «старому строю».

Разумеется, Кошевой ни в коей мере не анархист, он дисциплинирован и с юности приучен к воинскому послушанию. Природа его жестокости иная. Во-первых, жестока была сама гражданская война. Иной она быть не могла, да и не бывает на свете. Ленин в подобных случаях прямо говорил: «Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов». Конечно, Кошевой — это вымышленный персонаж, литературный герой. В этой связи уместно напомнить, что фурмановский Клычков, признанный образец стойкого, выдержанного политработника, тоже говорит о расстрелах пленных офицеров и говорит без вздохов и всхлипов. Законы гражданской войны суровы. Михаил — рядовой боец революционной армии, ему приходится исполнять порой самую «черновую работу» — что ж, кто-то должен это делать...

Однако за Мишкиной жестокостью стоит и иная, темная сила, имя которой — троцкизм. Именно Троцкий и его единомышленники, презиравшие русский народ и другие народы России, сознательно провоцировали ненужное, нецелесообразное и вредное для дела Октября кровопролитие, сеяли в народной массе взаимное озлобление и ненависть. Отсюда возникло пресловутое «расказачивание», то есть, по существу, попытка свирепого истребления целого социального слоя рядовых тружеников России.

В романе полностью приводится статья из некоей газеты «В пути» (ее дает прочесть глава вешенских повстанцев Кудинов Григорию Мелехову — у убитого комиссара «нашли в планшетке»). В той статье пространной и цветастой риторикой говорится, что «мятеж в тылу у воина то же самое, что нарыв на плече у работника» и т. п., а в заключение следует энергичный призыв: «Нужно покончить с мятежом. Нужно вскрыть нарыв на плече и прижечь его каленым железом». Эпизод со странной газетой происходит, как можно установить, в 20-х числах мая 1919 года.

В тексте романа не сказано (а комментаторами «Тихого Дона» не разъяснено), что газета «В пути» являлась бюллетенем походного штаба Л. Троцкого, издававшимся во время его поездок в специальном поезде по стране. Названная статья под наименованием «Восстание в тылу» принадлежит перу самого Л. Троцкого и была опубликована в его «органе» 17 мая 1919 года, а потом воспроизведена в собрании его «сочинений» в начале 20-х годов.

«Прижечь каленым железом» — это типичная троцкистская лексика, но не только лексика: за подобными словесами следовали порой свирепые приказы и указания прямо-таки провокационного характера, вызывавшие ничем не оправданную суровость действий. Видимо, названная руководящая статья и послужила основой для приказа по экспедиционным войскам от 25 мая 1919 года. Авторы приказа подражали не только стилистике, но и самому духу, насаждавшемуся Л. Троцким. (Напомним, что членом Реввоенсовета 8-й Красной Армии, из частей которой в значительной мере формировались войска экспедиционного корпуса, был бывший левый эсер, недавний член РКП А. Колегаев — деятель явно троцкистской ориентации.) В «Тихом Доне» приказ этот также приведен полностью. В заключительной его части говорилось: «Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады к станицам, которые будут оказывать сопротивление», и т. п. Кошевой слушает этот приказ перед строем. Когда М. Шолохов придает значение тому или иному факту фабулы романа, он всегда приводит точнейшие исторические реалии. Так и тут: приказ был оглашен 27 мая утром. А далее следует в высшей степени примечательная авторская ремарка: «И Мишке Кошевому крепко запомнились слова: «...Гнезда бесчестных изменников должны быть разорены. Каины должны быть истреблены...»

Вот откуда наползает на сознание рядового, не искушенного политическим опытом красного бойца тень исступленной, бессмысленной жестокости. В этом — одно из проявлений великого исторического реализма романа «Тихий Дон».

И словно для того, чтобы художественно более ярко оттенить, что жестокость Кошевого есть нечто привнесенное, М. Шолохов дает замечательное описание его сватовства. Михаил волнуется перед предстоящим свиданием с Дуняшей Мелеховой, принаряжается, ищет (хотя и не находит) гостинец, а ведь он немолод уже по тем временам, ему около двадцати шести лет, он закаленный солдат, пятый год не слезающий с боевого седла! Чувства и помыслы его чисты и благородны, хотя неописуемые испытания, что довелось ему пережить, зачерствили, посуровили Мишино сердце...

В мелеховском курене он застает только Ильиничну, вся семья за Доном, в «отступе». Он посватался, а потом с присущей ему грубоватой прямотой добавил: «...Евдокею дуриком ни за кого не отдавайте, а то вам плохо будет. Уж ежели из моей части прийдет письмо, что я убитый,— тогда просватывайте, а зараз нельзя, потому что промеж нас с ней — любовь». В этой реплике — весь Кошевой той поры: душевная чистота, максимализм, суровое прямодушие.

Михаил появляется вновь на страницах «Тихого Дона» очень не скоро, лишь в начале последней, восьмой части. Композиционное решение тут очень точно: характер героя сложился, жизненный путь бесповоротно определен, ясно, как будет он вести себя в обстоятельствах гражданской войны. О его возвращении сказано лаконично: «Перед луговым покосом в хутор приехал с фронта Мишка Кошевой». Идет, стало быть, июнь 1920 года (он сам говорит Ильиничне при встрече: «Не видались-то год с лишним»). С какого фронта вернулся Михаил, где побывал, что пережил за этот год, неизвестно. Он изможден, устал, его треплет болезнь — ясно, что в тихих местах ему отсиживаться за этот год не пришлось.

Дом Кошевого заколочен. Митька Коршунов «с калмыками» повесили мать, прирезали младших братьев и сестер — случилось это после отступления красных из Донской области, как можно установить по косвенным данным (в связи с приездом Григория),— около 20 июня 1919 года. В дом свой Михаил не вошел, приютился у родственников. Он приходит в курень Мелеховых, где остались лишь Ильинична с внуками да Дуняшка. Ради нее-то Михаил и пришел. Ильинична встречает его яростно, припоминает ему убийство Петра, деда Гришаки. Михаил спокоен, даже благодушен, он резонно возражает: «А ежели б Петро меня поймал, что бы он сделал? Думаешь, в маковку поцеловал бы? Он бы тоже меня убил. Не для того мы на энтих буграх сходились, чтобы нянькаться один с другим! На то она и война». Ильинична, конечно, не может принять этих рассуждений: она мать, потерявшая сына. «Душегуб!» — бросает она Михаилу. Тот опять спокоен, поминает ее любимого Григория («а уж он-то душегуб настоящий») и вновь дает точный и серьезный ответ: «Коли такое прозвище ты, тетушка, даешь всем, кто на войне был, тогда все мы душегубы. Все дело в том, за что души губить и какие...»

Примечательные слова! Кошевой много пережил и перечувствовал, в нем уже нет незрелой, ограниченной прямолинейности, он стал сдержаннее, мудрее. Куда как глубока в суровой трезвости мысль: дело в том, какие души губить... Вот оно, народное выражение идеи о справедливых и несправедливых войнах!

Отношения Михаила с его маленьким «тезкой», сыном Григория, в высшей степени характерны для понимания глубинной сущности этого жесткого, «квадратного» с виду человека. Он нежен к мальчику, он трогательно заботлив к нему. В этой заботе, в нежной жалости большого и сильного к маленькому и слабому нет ни тени позы или расчета, Кошевой целен и искренен в чувствах. Беспощадно приговорив в своем сознании Григория, он заменит детям отца и сделает это естественно и легко.

Женился Михаил на Дуне в середине лета, очевидно, в июле 1920 года. Он резко отталкивается от старых казачьих традиций, они неприятны ему. Венчаться он согласился только по категорическому настоянию невесты. Свадьба вопреки обычаю была без выпивки, без песен. Михаил оказался «ретивым хозяином», изголодавшимся по работе, он быстро навел порядок в запущенном уже мелеховском доме. Но спокойно хозяйничать пришлось ему очень недолго.

Летом 1920 года на юге России происходит еще одно, последнее, обострение гражданской войны. Основные силы Красной Армии были заняты на Западном фронте, сражались с белополяками. Пользуясь этим, белогвардейская армия Врангеля, укрывшаяся за Крымским перешейком, в июле вышла в нижнее Приднепровье и нацелилась на Донбасс. В то же время в тыл советских войск были засланы врангелевские десанты, чтобы попытаться поднять мятежи в казачьих областях Дона и Кубани. В частности, в районе Таганрога высадился отряд полковника Назарова в 1000 бойцов с целью прорваться в центральные районы Донской области.

Кошевой не стал пассивно ожидать событий, для него Советская власть — свое, кровью завоеванное дело. Он просится добровольцем в армию, но врачи возражают: «Очень вас малярия истрепала». Окружные власти в Вешенской назначают его председателем хуторского ревкома. Он не может сдержать радости от назначения, оттого немного важничает, выглядит порой напыщенно. Но за дело принимается, решительно и круто. В первый же день он пытается задержать дезертира, ему сразу же приходится применять оружие. Политическая обстановка в округе накаляется, в лесах скрываются дезертиры, невдалеке появились отряды махновцев. Начинается сбор продразверстки, казаки, ранее не знавшие налогов, раздражены, некоторые открыто выражают недовольство Советской властью. Положение усугубляется хозяйственной разрухой.

В такой обстановке в хуторе появляется в конце ноября Григорий Мелехов. Кошевой непреклонен в решении его судьбы, на него не могут повлиять ни заверения самого Григория, ни слезы жены. «Ненадежный ты человек»,— прямо говорит он Григорию. Того обижает, что Михаил ставит его на одну доску с Митькой Коршуновым и ему подобными, но в ответ звучит ледяное: «Они рядовые, а ты закручивал всем восстанием». Кошевой беспощаден к нему. Сперва он требует, чтобы Мелехов, усталый только что оправившийся после ранения, немедленно шел на регистрацию. Затем будет настаивать на его аресте. В этой настойчивости есть для Кошевого и личный момент, хоть он не говорит и, быть может, даже не думает о нем. Полтора года назад, накануне Вешенского восстания, он, Кошевой, не успел и не сумел арестовать Григория, и тот стал «закручивать восстанием». Михаил не может допустить, чтобы нечто подобное повторилось.

И происходит закономерное: не дожидаясь неизбежного ареста, Григорий бежит и оказывается в банде Фомина. Получается, что опасения Кошевого подтвердились...

После бегства Мелехова, а потом и Аксиньи, дети его остаются в семье Кошевых. Михаил продолжает служить Советской власти. Он единственный из главных героев «Тихого Дона», который к заключительным страницам романа остается в живых с четко определенной перспективой жизненного пути.

Окончание следует.

Атака красной конницы. Фото 1920 года.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Под вечер 4 июля Дедюхин был вызван к командиру роты, вернулся оттуда красный, взъерошенный.

— Пос-строиться! — прошипел он, как гусак, своему экипажу, и когда подчиненные встали у машины, командир танка, пройдясь взад-вперед вдоль малочисленного строя, остановился напротив Вахромеева.

— Воротничок чистый пришил уже? Та-ак! — угрожающе протянул он.

— Товарищ старший лейтенант, я...

— Молчать! — взвизгнул Дедюхин, багровея от натуги.— А под трибунал не хочешь? А?— И повернулся к Ивану Савельеву.— А ты куда смотришь? Куда, я спрашиваю? Ежели и племянничка твоего...— Дедюхин ткнул пальцем в Семена,—...под трибунал?! Вот если бы сегодня к бабам своим умотали в Лукашевку? Ишь, воротнички чистые пришили...

Дедюхин бушевал бы, может, еще долго, но заурчал приближающийся грузовик, и командир танка проговорил устало:

— Ладно, я вас еще мордой об землю пошоркаю. Взять на борт два боекомплекта!

Больше Дедюхин ничего не стал объяснять, но все и без того понимали, что вольное житье, к которому уже как-то привыкли, кажется, кончается.

Приняв боеприпасы, начали протирать снаряды, потом все, кроме Дедюхина, снова вызванного к ротному, пошли к берегу речки вымыть заляпанные снарядной смазкой руки. Весь день пекло, зной не спадал и к вечеру, хотя солнце уже было в нескольких метрах от горизонта...

В ожидании дальнейших событий все толпились вокруг танка. Вахромеев, встревоженный и обеспокоенный, беспрерывно спрашивал сам у себя:

— Интересно, успеем ли поужинать? Вот в чем вопрос.— И сам же себе отвечал:— Ох, чую, не успеем. Открывайте, братцы, святцы...

— Что ты ноешь-то, — рассердился Иван.— Прямо жилы из всех тянешь и тянешь.

Вахромеев обиженно хмыкнул и скрылся из глаз. Иван подошел к Семену, сидящему под березкой с разлохмаченной корой, опустился рядом, вынул вчера полученное из дома письмо, стал перечитывать.

— Чего пишут-то? — спросил Семен.

— Да что? Тоже хлещутся там... Панкрат Назаров все кашляет. Шестьсот центнеров хлеба, пишет Агата, колхозу прибавили сдать сверх плана, а жара посевы выжигает.

— Мать как там?

— Про мать ничего в этом письме не прописано... Школьников из Шантары, пишет, на лето по колхозам разослали, в Михайловку тоже вроде прибыли, и еще ждут. Детям тоже достается.

Дядька Иван с самого отъезда на фронт был малоразговорчив. В Челябинске, где их распределили по разным частям, он только сказал Семену:

— Прощай, выходит. Хорошо бы нам с тобой, Семка, вместе повоевать, да у войны свои законы. Может быть, и не увидимся больше... Оно ведь как судьба выйдет...

Благодаря объявившемуся в Челябинске Дедюхину они не только увиделись, но вот год уже почти воюют вместе. Дядька Иван будто носил постоянно в себе что-то невысказанное и больное. Когда было можно, Семен оказывал ему всякие пустяковые услуги, следил, чтобы поудобнее место для ночлега было, чтобы суп в его котелке оказался погуще... Иван все замечал, глаза его теплели, но вслух никаких благодарственных слов не высказывал.

Перечитав в который раз истершееся уже письмо, Иван оглядел листок со всех сторон, будто отыскивая, не осталось ли где не замеченное им слово, аккуратно сложил, спрятал в карман. Минуты две-три смотрел куда-то перед собой, на измятую солдатскими сапогами, втоптанную в землю траву и только потом сказал:

— Сколько все ж таки сил человеческих у баб? А мы их, случается, не шибко-то и жалеем...

Семен опустил голову, думая, что Иван имеет в виду его похождения к Ольке в Лукашевку, но дядька говорил пока о другом:

— Чего Агатка моя в жизни видела? Слезы да горе. Холод да голод. А вот в каждом письме меня еще обогреть пытается...

И лишь помолчав, задал вопрос, которого Семен боялся:

— Чего там у тебя с Олькой этой?

Семен ответил не сразу.

— Ничего,— проговорил он и поднялся.

— Так ли?

Иван спросил это, глядя снизу вверх. Семен стоял, чуть отвернувшись, но взгляд его чувствовал. Он слышал под подошвой сапога какой-то острый предмет, не то камень, не то сучок, это его раздражало, он двинул ногой, чтоб отбросить тот предмет, но когда поставил ногу на место, под подошвой было то же самое. Наверно, это просто торчал из земли корень.

— Ты что же... жил с ней?

— Ну, жил, жил! — вскрикнул Семен, поворачиваясь к Ивану.

— Та-ак, сопляк. А жена, Наташка? Ну, чего в рот воды набрал? Отвечай!

Ответить Семен ничего не успел: издалека послышался шум заводимых танковых моторов, стал приближаться. Иван вскочил с земли. Появился из-за кучки деревьев Дедюхин, издали махая рукой. Этот знак все поняли, выстроились возле машины. Дедюхин, подбежав, схватил болтающийся у колена планшет, раскрыл его.

— Слушай боевой приказ!..

Мимо по размолоченной гусеницами просеке, заполняя ее синими клубами сгоревшей солярки, уже с ревом неслись танки, и Дедюхин только крикнул:

— В машину! На дорогу Фатеж — Подолянь. Там я скомандую...

Через несколько минут тяжелый танк, подминая молодые деревца, выскочил на дорогу. С час или полтора шел в колонне других машин. В смотровую щель Семен ничего не видел, кроме подпрыгивающего на рытвинах впереди идущего танка да мелькавших по сторонам деревьев.

Потом Дедюхин скомандовал взять влево, шли каким-то лугом уже в одиночестве, продрались сквозь негустой лесок, взлетели на лысый холм. Семен увидел впереди участок дороги, огибающей небольшое заболоченное озерцо. Дорога выворачивала из того самого леска, который они миновали, и пропадала за камышами.

Когда танк спустился с холма, Дедюхин приказал остановиться. Он выскочил из машины, пробежал вдоль отлогого холма, поросшего на склоне всяким мелким кустарником.

— Ну, мужички-сибирячки! Тут наша песня, может, последняя и будет.

У Семена прошел меж лопаток холодок. Дедюхина он видел всяким, но таким еще никогда: щеки серые, губы плотно сжаты, он говорил, кажется, не разжимая их, и непонятно было, как же он выталкивает слова. Глаза блестели остро, пронзительно, во всем его облике было что-то сокрушающее, неудержимое.

— Предполагается, что утром немцы двинутся. Передохнули, сволочи... Наша задача до удивления простая — по этой дороге, — Дедюхин махнул в сторону озерца, — не пропустить ни одного танка. Сколько бы их ни было...

— На этой дороге их целый полк уместится. Что мы одной машиной? — проговорил Вахромеев.

— Сколько бы их ни было! — повторил Дедюхин, продавливая слова сквозь губы.— Я сам... сам этот участок дороги выбрал... Мы их тут намолотим. А, Егор Кузьмич?

Алифанов глянул зачем-то на опускающееся за горизонт солнце, будто хотел попрощаться с ним. Все невольно поглядели туда же. Потом подправил согнутым пальцем один ус, другой. И сказал:

— Как выйдет, конечно... Постараемся.

Иван стоял прямо, скользил прищуренным взглядом по дороге, голова его медленно поворачивалась.

— Взять лопаты. Танк закопать, — распорядился Дедюхин.

Капонир рыли дотемна, сбросив гимна-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—22.

стерки. Соленый и грязный пот ел глаза, протирать их было нечем, некогда да и бесполезно.

Уже в темноте Семен задним ходом задвинул танк в земляную щель, сверху его закидали нарубленными ветками. Дедюхин приказал срубить еще несколько деревьев, вкопать их перед танком так, чтобы они, не мешая обзору и обстрелу дороги, надежно маскировали машину. Когда это было исполнено, он ушел на дорогу, по-хозяйски осмотрел ее, будто ему предстояло завтра с утра приняться за ее ремонт, а не корежить снарядами. Вернулся и разрешил достать на ужин НЗ.

— Обмыть рыло бы, — пробурчал Вахромеев.

— Ничего... Не на свиданье собрался к этой своей, — буркнул Дедюхин. И неожиданно для всех улыбнулся. — Сладкая баба у тебя. Видел как-то. А его вот, Савельева, зазнобу не знаю. Ишь вы, какие жеребцы. Поди, всю землю вокруг них копытами изрыли?

Дедюхин говорил теперь добродушно, Семен глянул на ковырявшегося в консервной банке Ивана, но тот, хмурый, промолчал.

Ели все вяло, усталость разламывала кости.

— Ну что ж, давай, дядя Ганс, — произнес Дедюхин неожиданно. И не совсем понятно добавил: — А настелить гать — не в дуду сыграть. Мы те сами заиграем, а ты попляшешь. А теперь всем спать. Савельев Иван — глядеть за дорогой. В три часа меня разбудишь, если все будет тихо.

И он первый улегся на теплую, рыхлую землю, мгновенно захрапел.

Семен, облюбовав себе место для сна, наломал веток, застелил землю. Снял сапоги, положил их под голову, засунув для мягкости в голенище воняющие потом портянки. Укладываясь, он боялся, что дядя Иван захочет продолжить разговор об Ольке, но тот молчал, только все скреб ложкой в консервной банке.

Стояла удивительная тишина, как уже много недель подряд. Немецкий передний край отсюда был километрах в трех-четырех, но этого не чувствовалось. Где-то далеко, то в одном месте, то в другом небо слабенько озарялось колеблющимся светом и гасло — это время от времени взлетали над линией фронта осветительные ракеты.

Пока рыли капонир, стояла плотная духота, а сейчас тянул со стороны озерка ветерок и, кажется, начали набегать тучки, в звездном небе, как в порванном решете, зияли черные дырки. Семен глядел на эти темные пятна, думал о Наташе, а перед глазами стояла Олька — маленькая и беспомощная, с оголенными грудями, торчащими в разные стороны, просящая у него не любви, а просто ласки, как умирающий от жажды просит, наверное, глоток воды. «А может, я буду тем и счастливая, Семка!» — стонала она, глядя на него умоляюще и униженно, в глазах ее не было мертвенной пустоты, они горели сухо, пронзительно, немного болезненно, но по-человечески. «Как ты не поймешь? Мне от тебя ничего не надо, только эту минуту...»

Она просила откровенно, униженно, оскорбляя себя и его, и у него мелькнуло тогда, что в ней проснулось что-то животное. Но, мелькнув, эта мысль пропала, или он ее просто отогнал, потому что она по отношению к Ольке была все-таки несправедлива, чем-то марала ее. Еще он подумал, что смертельно оскорбит девчонку именно тем, если отвернется... Он шагнул к ней, одной рукой обнял за плечи, другой скользнул по ее груди, обжигаясь. Она запрокинула плотно повязанную платком голову и жадно нашла сама сухими, сгоревшими губами его губы. Ноги ее подогнулись, она своей тяжестью потянула его вниз, на землю, а потом от женского чувства впервые испытанной любви застонала мучительно и радостно. Мозг ему больно прорезало, что когда-то так же вот застонала и Наташа, и он только тут с ужасом очнулся, в голове было пусто и гулко, там будто кто-то молотил палкой по железному листу...

...Так оно вот и случилось, думал сейчас Семен, слушая, как похрапывает Дедюхин. И винить в этом он не мог ни себя, ни Ольку, девчонку все-таки непонятную ни в словах, ни в поступках. А может быть, и понятную, подумал вдруг Семен, но только изломанную войной, измученную всем тем, что ей пришлось пережить. Этим все и объясняется.

Семен припомнил все встречи после той, когда она спросила, смог ли бы он ее поцеловать, и когда она вырвалась из его рук, закричав враждебно: «Жалельщик какой нашелся...» И она действительно бы-

ла, кажется, оскорблена тем случаем, в сарайчик к Капитолине и Зойке приходила редко, а когда приходила, то на Семена не глядела, демонстративно отворачиваясь.

— Зачем ты, Оля, так со мной? — спросил однажды Семен. — Ведь я тебя никак обидеть не хотел.

— А я и не обиделась, — сухо ответила она. — А рубец на щеке стал вроде поменьше, понятно?

— Конечно, все заживет.

— И волосы отрастут, ты думаешь? — спросила она помягче.

— Не знаю.

— Вот и доктор сомневается. Плешивая буду... всю жизнь. — И она всхлипнула.

— Оля, не надо.

— Отстань, ты! — вскрикнула она опять в гневе, встала и убежала.

Он перестал ходить с Вахромеевым в Лукашевку. Но где-то через неделю или полторы тот сказал:

— Капитолина опять... просит. Сходил бы к Ольке.

— Да я вам что, шут гороховый? Дурачок для... для...

— Ну, может, и дурачок, — сказал Вахромеев как-то странно, со вздохом.

— Катись ты со своей Капитолиной!

— Т-ты! Сержант! — Вахромеев подскочил, схватил его за грудки было, сверкая глазами. Но Семен вдруг вспомнил полузабытый прием самбо, Вахромеев отлетел, согнувшись от боли, изумленно выдохнул: — Дедюхин! Товарищ старший лейтенант!

— Что такое? — появился из блиндажика, который они соорудили для себя, командир танка.

— Он, зараза, приемы знает какие-то.

— Какие приемы вы знаете? — строго и официально спросил Дедюхин.

Все это кончилось тем, что сам старший лейтенант раза два очутился на земле, а потом потребовал:

— Два часа в день будете заниматься со всем экипажем. Может каждому пригодиться.

— Да я же все перезабыл, товарищ старший лейтенант. Когда это было-то?

— Выполняйте, — козырнул Дедюхин.

И Семен стал заниматься, учил Вахромеева, Алифанова и самого Дедюхина зажимам, подножкам, захватам. Только дядя Иван после двух-трех уроков от обучения наотрез отказался, заявив, что возраст его все-таки не для самбы этой...

— Ладно, — сразу согласился Дедюхин. — Продолжайте с желающими.

В Лукашевку Семен все же пошел. Олька встретила его молчаливо и виновато, они говорили о том о сем, раза два он слышал даже ее смех, тихий, робкий. Рассмеется и сама вроде удивится, она ли это хохотнула? Замолкнет, прислушиваясь к чему-то в себе. Потом она начала расспрашивать его о Сибири, о семье, о Наташе.

— Счастливая она, твоя Наташка, — вздохнула Олька однажды.

— Ей тоже... столько пришлось пережить.

— Значит, ты ее любить сильнее должен, — сказала она задумчиво.

Как-то Олька весь вечер была молчаливой, подавленной, ни в какой разговор с Семеном не вступала и под конец разрыдалась.

— Ты что, Оля? Устала, иди отдыхай. Я тебя провожу.

— Нет, я боюсь спать. Как засну, мне мама снится. Ведь это я ее... Ну что ж, они, немцы, надругались над ней. Но ведь жила бы!

— Что ж... конечно, — сказал Семен, чтобы что-то сказать. Но Олька полоснула его глазами:

— Нет, после такого... нельзя жить. Незачем, понятно?

Прощаясь, она спросила:

— Как ты думаешь, если б папа был жив... И он бы узнал об этом, что они с мамой... мог бы он ее еще любить?

— Ты, Оля, такие вопросы задаешь...

— Разве мама виновата? Или я... если бы сумел тот немец? Ну в чем я была бы виновата?

— Ты бы сама... не стала жить. Ты же только что сказала.

Она поглядела на него внимательно, не мигая, глазами холодными и суровыми. Олька была чуть ниже его ростом, она положила руки ему на плечи, привстала на носки, приблизила свое лицо вплотную к его лицу, выдохнула:

— Правильно... Это с нашей, с женской стороны. А с вашей, мужской? Ну?

Он молчал, чувствуя, что никогда не будет в состоянии ответить на такой вопрос. Она поняла это, вздохнула, отпустила его, потихоньку пошла прочь, нагнув к земле голову...

...А в тот вечер, когда все произошло между ними, Олька была необычно оживлена, просто он никогда еще не видел ее такой, и много смеялась. Вдруг она спросила, когда последнее письмо пришло от Наташи? Семен сказал, что неделю назад.

— Дай мне его почитать, а? — попросила она. — Не вздумай мне врать, оно у тебя в кармане лежит, вот в этом.

— Откуда же ты знаешь? — изумился Семен.

— Я теперь все на свете знаю, — сказала она.

Было еще относительно светло, они стояли на окраине разрушенной Лукашевки в крохотной березовой рощице, не тронутой ни снарядами, ни танковыми гусеницами. Олька любила это место, и они уже не раз тут бывали. В небе гас закат, пространство быстро наливалось темнотой. Олька выхватила из его рук сложенный вдвое треугольник, вслух начала читать, одновременно опускаясь под березку: «Родной мой и милый Семен! Моя единственная любовь...»

Голос ее заглох, она что-то тяжело проглотила и дальше стала читать молча. Семен стоял рядом и краснел, потому что знал, о чем читает Олька. Наташа писала, как и в каждом письме, о своей любви к нему, но в этом еще и описывала свои ощущения, которые она испытывает, когда крохотная Леночка сосет грудь. «Я забываю от счастья обо всем на свете, я вспоминаю твои нежные руки и губы, Сема, я чувствую себя где-то не на земле...»

Прошло времени вдвое, а может быть, втрое больше, чем требовалось на чтение письма, а Олька все глядела и глядела в бумажный листок. Затем медленно подняла голову, снизу вверх взглянула на Семена глазами, полными слез, и начала медленно вставать. Губы ее тряслись и что-то шептали.

— Я хочу быть... хоть на минуту... на ее месте, — разобрал наконец Семен ее слова, невольно отступил.

А она, уронив письмо и все глядя на него, расстегнула на кофточке одну пуговицу, другую...

— Олька! — пробормотал Семен смущенно и глупо, пытаясь отвернуться от блеснувших бугорков ее грудей. — Ты же только что читала... про Наташку...

— Семен, Семен! — прошептала она с мольбой. — Ты о чем говоришь-то... сейчас? Как тебе не стыдно?!

— Ты будешь жалеть...

— Я это сама хочу! Назло тому фашисту... хотя и мертвому! Назло тем, которые маму... — Она задыхалась. — Ну что же ты?!

Усилием — не воли даже, а сознания — он еще сдерживал себя. А может быть, его смущало белеющее на черной траве письмо...

— Брезгаешь, да? — выкрикнула она хрипло.

— Ты будешь проклинать себя потом за эту минуту...

— А может, я буду тем и счастливая, Семка! Как ты не поймешь?! Мне от тебя ничего не надо, только эту минуту...

...Потом Олька плакала, положив обвязанную платком голову ему на колени, а он тихонько гладил ее по голове.

— Пусть твоя Наташа на меня не обижается. От ее счастья не убудет, — проговорила она, пытаясь унять слезы. — Я бы на ее месте не обиделась...

Затем она подняла письмо с земли, свернула, положила ему в карман.

— Ты напиши ей хорошее-хорошее письмо. О том, как ты ее любишь и думаешь все время о ней...

Семен только усмехнулся.

— Я же изменил ей.

— Не-ет! — она вскочила, ее всю заколотило от гнева. — Не-ет! Ничего ты тогда не понимаешь! Это было один раз — единственный и последний.

И действительно, единственный и последний. Семен потом бывал еще в Лукашевке неоднократно, видел и Ольку. Она как-то изменилась, вся подобралась, стала еще более таинственной и непонятной. Она с ним разговаривала непринужденно, но мало, больше молчала, думая о чем-то своем. Иногда, почувствовав его взгляд на себе, сразу умолкала, смущалась и старалась отвернуться. Наедине с ним она больше не оставалась.

А потом она исчезла из Лукашевки. Капитолина сказала:

— Она поступила работать пока в госпиталь. Ну, — пока не вылечит рубец на щеке. Ей обещали срезать его, операцию сделать. Потом, говорит, пойду в краткосрочную школу разведчиков. Меня тоже Алейников приглашал в эту самую школу, да я... — Она опустила голову, пряча глаза.— Вахромейчик меня вроде зарядил, наконец-то.

— Кто-кто?! — спросил Семен удивленно.

— Вахромейчик, кто же еще, — обиженно сказала Капитолина.

— Я спрашиваю, кто Ольку... пригласил?

— Да майор Алейников Яков Николаевич, начальник прифронтовой опергруппы НКВД. Мы же все — и я, и Зойка, и Олька, как говорится, в тесном контакте с ним работали. Хороший он дядька, добрый, только малоразговорчивый.

— У него шрам есть на левой щеке?

— Шрам? Вроде есть. Не такой, конечно, как у Ольки нашей, маленький такой, незаметный. А что?

...Засыпая, Семен уже думал не о Наташе и Ольке, а о Якове Алейникове, человеке, сыгравшем зловещую роль в судьбе дяди Ивана, сутулая спина которого вон в темноте маячит, в судьбе многих... Тень Алейникова скользнула где-то и возле его жизненного пути. И кто знает, задела или не задела его эта тень, как сложились бы его отношения с Верой Инютиной, не вклинься тут Алейников. А теперь, оказывается, он где-то здесь, занимается какими-то своими делами. Вот война! Людская круговерть и месиво, а старые знакомцы могут встретиться.

Проснулся Семен от того, что качнулась под ним земля. Он вскочил, ничего в первые секунды не понимая, слыша только, как яростно колотится в груди сердце. Стоял невообразимый грохот и вой, на той стороне, где взлетали недавно осветительные ракеты, горело по всему горизонту зарево, в багрово-красном отсвете тяжко и лениво клубились черные облака, беспрерывно ухали взрывы.

Смахнув рукавом слюну с уголка губ, он взбежал на вершину холма, где стояли Дедюхин и Алифанов. И едва взбежал — в левом краю горизонта высоко вспучились кроваво-черные пузыри, их разрезали желтые огненные полосы, а потом стало видно, как заплясало над землей пламя.

— В склад боеприпасов им врезали,— сказал Алифанов.

Дедюхин глянул на светящийся циферблат часов, произнес:

— Два двадцать три...— И повернулся к Семену, сообщил, будто тот не понимал теперь в чем дело:— Наши лупят. Артподготовка. Значит, началось.

Невообразимая артиллерийская канонада стояла минут тридцать, потом разом стихла. Вяло и редко полаяли еще немецкие пушки, но и они умолкли. Тишина установилась мертвая, глухая, она больно давила в уши. И у Семена мелькнуло: если бы не пылающий в черноте ночи горизонт, можно подумать, что невообразимый артиллерийский гул ему просто почудился, приснился...

— По местам,— тихо и будто нехотя скомандовал Дедюхин. Все побежали к танку.

Откинувшись на сиденье, Семен задремал. Он понимал, что его дело теперь маленькое, заводить танк придется не скоро, если придется вообще.

— Сержант, не дрыхнуть! — ударило по ушам.— Спишь ведь?

«Вот чертов Дедюхин, все чует,— подумал Семен, с трудом размыкая тяжелые веки.— А может, я храпел?»

— Никак нет. Не сплю,— ответил он.

— Ври у меня! Гляди, всякое может произойти.

— Понятно...

Над землей маячил рассвет, над озером, над камышами подымался белесый утренний парок. Все это Семен видел в смотровую щель и даже расслышал, как ему показалось, утиный кряк. Но тут же сообразил, что именно показалось, никакие птичьи голоса с озера достигнуть до танка, а тем более проникнуть внутрь, не могли.

Скоро туман над камышами стал гуще, все сильнее белел, а потом заголубел и неожиданно окрасился в нежно-розовый цвет. Он поднимался почему-то столбами, только эти столбы были живыми, они качались, и Семен понял, что это потянул над озерком утренний ветерок.

Было уже совсем светло, где-то сбоку брызнуло вскользь по земле первое солнце, его лучи засверкали ослепительно на верхушках камышей, отражались в листьях осиновых рощиц, толпившихся по противоположному берегу озерка. И было каким-то странным и нелепым то обстоятельство, что опять тишина взорвалась, забухали пушки с той и с другой стороны, а потом стало слышно, как над головой угрожающе, яростно заревели самолеты. Семен не видел их, но понимал, что это были вражеские самолеты, он отличал их по глухому, натуженному реву. «Хорошо, что сверху замаскировались»,— подумал он и лениво зевнул. Несмотря ни на что, спать все же смертельно хотелось, и веки сами собой закрылись.

Сколько Семен продремал на этот раз, он не понял, но, видимо, не очень долго, потому что верхушки камышей все так же сверкали от низкого солнца. Он очнулся от голоса дяди Ивана, доносившегося снаружи:

— За тем лесом движется столб пыли! Однако, на нашу дорогу.

— Понятно,— ответил Дедюхин.

Потом загремел верхний люк, и Семен понял, что дядя Иван был послан куда-то наблюдающим, теперь вернулся, вместе с Дедюхиным они влезли в танк, теперь весь экипаж снова на местах, и сейчас начнется то, ради чего они тут оказались. «Тут наша песня, может, последняя будет...» — вспомнил Семен вчерашние слова Дедюхина, вся дремота с него мгновенно скатилась, никакого страха, как вчера вечером, он не чувствовал, только ощутил, как горят почему-то ладони. Он взялся за рычаги, хотелось, неудержимо хотелось нажать на кнопку стартера, бросить танк вперед, навстречу этому движущемуся столбу пыли. Что там, на дороге? Может, грузовики с фашистами? Захрустели бы только под гусеницами кости и железо! Или вражеские танки! Ну что же, все равно...

Думая так, Семен понимал, что это не все равно, одним танком против пяти — десяти не очень-то поспоришь... И, кроме того, его желание — ничто, они должны пока стоять здесь, в отрытом ими капонире, замаскированные, невидимые до поры до времени для врага, таков замысел Дедюхина или еще кого-то, и он должен быть выполнен.

Семен убрал ладони с рычагов.

Вскоре он увидел и сам столб пыли, о котором говорил дядя Иван. И тут же на дорогу, выворачивающую из-за лесочка, вылетели немецкие мотоциклисты. Мотоциклов было штук пять или шесть, они летели стремительно, поливая из пулеметов придорожные кусты.

— Командир! Товарищ старший лейтенант! — вскричал Вахромеев.

— Я тебе дам...— И Дедюхин зло и густо выматерился. — Завяжу тебе... в такой узел — Капитолина слезами изойдет, а не развяжет. Поставить пулемет на предохранитель! И молчок у меня! Ты чего там, Алифанов?

— Ладно, не лайся,— буркнул командир орудия,— все в порядке.

— Счас, Савельев Иван, будет тебе работка. Только поворачивайся! Взмокнешь, приготовил бы полотенце усы обтирать.

— Ничего, привычные,— ответил Иван.

Пока шел этот разговор, мотоциклисты пронеслись. Пыль, поднятая ими, медленно оседала. До конца рассеяться она не успела, как из-за леса на повороте дороги показался первый немецкий танк, следом за ним — второй, третий. Семен затаил дыхание.

— Ну, Алифанов,— прохрипел привычное Дедюхин. И добавил:— Егор Кузьмич, дорогой...

— Да знаем, что ты уговариваешь! Иван, ты мне чтоб сноровисто. Без суеты.

— Соображаем,— буркнул тот.

Фашистские танки ползли и ползли из-за поворота. Пять, восемь... четырнадцать... Семен считал их, а они все ползли, и казалось, не будет им конца. «Да чего же Алифанов-то?— тревожно мелькнуло у Семена.— Ведь пройдут... Шестнадцать, семнадцать...»

Семен слышал, как работает поворотный механизм башни и понимал, что Алифанов держит на прицеле головной танк. «Не успеет... сейчас фашист скроется за рощей! Вон уже девятнадцатый ползет. Девятнадцатый!»

— По немецко-фашистскому врагу...— свистящим голосом произнес Дедюхин, тяжко дыша.

Слово «огонь» Семен почему-то не услышал. От выстрела его немножко качнуло на сиденье, и в то же мгновение он увидел — из бока переднего вражеского танка вспучился комок огня и дыма, танк крутануло, он развернулся навстречу своим же машинам, закивал длинным пушечным стволом, будто выбирая цель, но не выстрелил, замер... Следующий за ним танк начал, не сбавляя было скорости, обходить подбитую машину, но Семена опять чуть качнуло, и под тем, вторым вражеским танком вздыбилась земля, он накренился, задрал ствол в небо и остановился. И второму танку, видимо, пробило гусеницу, он запылал, как и первый, жирным, густым дымом. Дорога была наглухо закупорена. «Ага! — злорадно подумал Семен.— Сейчас в хвост колонны...» И будто подчиняясь мыслям Семена, Дедюхин прокричал в шлемофоне:

— Хвостатый вон раком пятится! Уйдет, гад!

— Что ж, раком-то оно им так и определено природой,— спокойно пробасил в шлемофоне Алифанов.— Иван, чего копошишься?

Опять, в третий раз ударила пушка. И задний немецкий танк перестал пятиться, будто раздумал, но развернул орудие в сторону холма и выстрелил. Снаряд ухнул где-то в стороне.

— Не видит, а плюется,— взвизгнул Вахромеев.

— Хорошо, если не видит...

От четвертого снаряда вспыхнул четвертый фашистский танк, в один момент оделся пламенем, как стог пересохшего сена. «Вот, паразит, до чего же знает свое дело!» — с невольным восхищением подумал Семен об Алифанове, молчаливом человеке, неповоротливом каком-то, неловком, ходившем по земле обычно так, будто ему было тесно на ней...

Продолжение следует.

ВИЖУ РОССИЮ

Удивительно быстро вошел в нашу литературу Валентин Сорокин. Яркое и мужественное слово, крылатая тема огня, тема вдохновенного труда, стремительная энергия строки — счастливые свойства его творчества.

Я стоял у огня
Между тьмою и светом,
Потому у меня
Возле сердца планета.

Я стоял у огня
В миг рожденья булата,
Потому у меня
Путь-дорога крылата.

Уралец по рождению, по способности работать, дышать пламенным ветром жизни, Валентин Сорокин несет в стихах рыцарскую нежность к великой Родине Советов, к ее могучим идеям. Вышедший из самой глубины рабочего класса, он воспевает храбрых мартеновцев, суровый мир металлургов, воспевает красиво, романтично. Летящие огни цехов превращаются в его воображении в багряных соловьев...

Продолжение умельческого опыта в потомках, неразрывная связь поколений, стремление утвердить дело отцов и дедов и пойти дальше — все это есть в стихах и поэмах Валентина Сорокина.

Но умер дед внезапно ясным днем,
Прославя мир гармошкой и делами.
И я зажег в знак памяти о нем
Огромное, неистовое пламя.

Многие стихотворения посвятил он Украине, Грузии, Туркмении, но в каждом из них Валентин Сорокин остается очень национальным, русским поэтом. Его поэмы «Лебеди летят», «Бунт», «Колыбель», «Огонь», «Засада» — как бы устные рассказы, в которых столько рассыпано умения в обычном увидеть необычное, в чужом обнаружить родное. По языку, по интонационному строю примыкают эти поэмы к родникам народного эпоса.

В книгах, вышедших почти одновременно,— «Багряные соловьи» и «Озерная сторона» — Валентин Сорокин не повторился ни одной строкой, что говорит о его хорошей «поэтической форме», о его росте. Может быть, «Озерная сторона» более уральская...

Свято помню дороги и встречи,
Мудрость книг и стихов разговор.
Но сравнить тебя не с кем и не с чем,
Край мой, чудо заводов и гор!

Следует сказать еще и о том, что поэту удаются стихи о любви, о женщине, они высоки и светлы.

Сейчас много говорят и пишут о Валентине Сорокине, и это заслуженно. Он же не успокаивается, а упорно работает — работает по-своему.

С чего мне в чужое рядиться?
Нигде б не хотел я родиться,
А только вот здесь, на Урале,
Средь вечно мерцающей дали.

Видно, что поэт неустанно учится, берет «на вооружение» лучшие достижения всей нашей советской поэзии и служит своему призванию с верностью солдата, как служат Родине.

Владимир КАРПЕНКО

Валентин Сорокин. Багряные соловьи. М., «Сов. Россия», 1976, 336 стр.

Валентин Сорокин. Озерная сторона. М., Воениздат, 1976, 256 стр.

ПРЕДАННОСТЬ СЦЕНЕ

В. ВАРЖАПЕТЯН

История гласит, что 7 мая 53 года до нашей эры в столице древней Армении Арташате показывали драму Еврипида «Вакханки». Актер, исполнявший роль безумной матери Пентеоса, должен был, выходя на сцену, нести в руках голову царя, растерзанного вакханками.

Неожиданно в театр вбежал гонец. Он принес весть о победе армяно-парфянского войска в битве при Каррах и... отрубленную голову Марка Красса; схватив ее, проворный актер произнес знаменитый монолог: «Мы приносим с гор домой рога оленя, только что убитого на нашей счастливой охоте...»

Таким образом, армянский театр насчитывает более двадцати веков. Но в отличие от поэзии, музыки, ваяния, всегда бывших неотъемлемой частью национальной культуры, армянский театр существовал вне народа, а значит, вне зрителя.

— Когда же он обрел его?

С этого вопроса и начался наш разговор о театре и зрителе с художественным руководителем Армянского государственного академического театра драмы имени Г. Сундукяна, Героем Социалистического Труда народным артистом СССР В. М. Аджемяном.

— На первый взгляд ответ напрашивается сам собой,— говорит Аджемян.— Раз театр существовал, значит, был и зритель. Но это очевидность лишь кажущаяся. Конечно, арташатский спектакль видели царь, князья, придворные. Но того зрителя, о котором мы говорим сейчас, наш театр не имел ни тогда, ни сотни лет спустя.

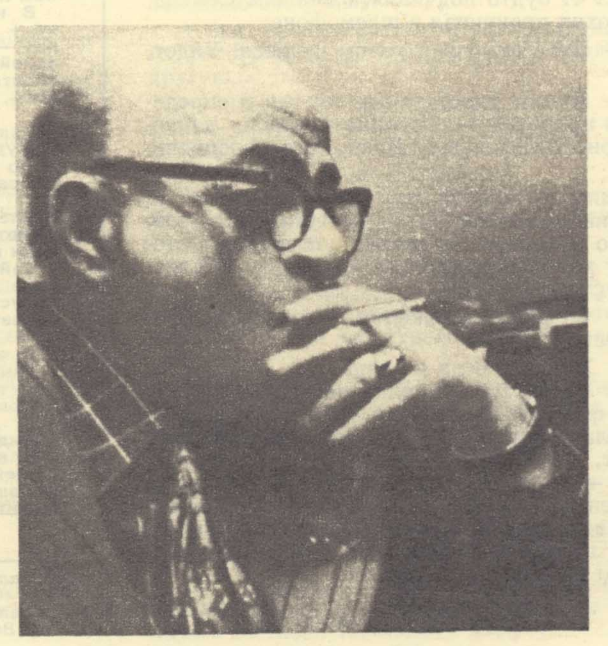
История армянского сценического искусства — это история актерского кочевья: в ней очень тесно переплелись судьба народа и судьба театра. Армянский театр стал полноправным искусством с большим опозданием. Еще в начале века драматург Александр Ширванзаде говорил: «Театр без режиссера можно наблюдать только среди армян». В общем, все было как в детской игре, когда из кубиков нужно сложить картину. Если бы собрать зрителей из Турции, режиссеров из Тифлиса, актеров из Константинополя, то, может быть, тогда и получился бы национальный театр...

Вартан Мкртичевич Аджемян, первым среди деятелей армянского театра удостоенный звания Героя Социалистического Труда, родился в турецком городе Ван. Отец будущего артиста, бухгалтер Мкртич, очень любил театр и рано пристрастил к нему сына. До сих пор Аджемян помнит любительский спектакль «Отелло», поставленный при активном участии отца; помнит, как тот представлял трагедию доверчивого мавра перед соседями. А вскоре десятилетний мальчик сам стал участником подлинной трагедии — геноцида армян Турции. Резня в 1915 году отняла жизнь у полутора миллионов армян, у сотен тысяч — родину. Может, и его жизнь осела бы пылинкой на каменистых дорогах изгнания, скатилась бы слезой по материнской щеке, если бы не русский солдат, спасший мальчика... Так Аджемян пришел в Армению, найдя здесь и призвание и счастье обретенной родины.

Национальный театр создавался на его глазах, при непосредственном и деятельном его участии. Театр этот, возрожденный к жизни Советской властью, уже не был разбросан по городам и странам. Наоборот, он вобрал в себя лучших мастеров армянского сценического искусства.

Я вспоминаю слова одного из зрителей — Героя Социалистического Труда слесаря Р. Мовсесяна, сказанные в дни 50-летия театра имени Сундукяна, который был создан в год образования СССР: «Много путей ведут к человеческим сердцам и один из них — театр. Мне дорог наш театр имени Сундукяна. Для меня, армянского рабочего, юбилей моего театра, счастливо совпавший с великим праздником всей страны,— предмет национальной гордости. Но национальная гордость с первых шагов социализма на древней армянской земле понималась нами как плод братского сотрудничества советских народов».

Для такого зрителя радостно работать, сознавая его требовательность и преданность искусству.

Герой Социалистического Труда В. М. Аджемян.

Фото автора

— У спектакля нет будущего в том смысле, в каком оно есть, скажем, у картины, фильма или книги,— считает Аджемян.— Зато у спектакля есть живейшее, как ни у кого, настоящее... Спектакль далеко не всегда может рассчитывать на то, что его поймут через пятьдесят лет,— тогда о нем могут написать более или менее верные исторические экскурсы. А понять, вернее, почувствовать его должны сегодня именно те люди, те зрители, которые сидят в зале, то есть народ, масса. Те самые люди, которые создают все материальные и духовные ценности, все, чем живет страна. И мы обязаны своим искусством доходить до сердца каждого зрителя. Мы должны сделать так, чтобы в результате наших спектаклей этот зритель, рабочий, крестьянин, интеллигент, этот труженик становился лучше и душевно богаче. Ибо именно он, человек, пришедший сегодня на спектакль, и есть строитель коммунизма, ради которого мы работаем. Поэтому, когда партия напоминает нам о необходимости быть нужным и понятным народу искусством, она тем самым напоминает нам об истоках нашего искусства, о его основах, его фундаменте.

Аджемян, художнически сформировавшийся под мощным влиянием Станиславского и Немировича-Данченко, прочно связан с русским сценическим искусством. «Я свято верю Станиславскому. Верую его гениальной системе». Этой верой, соединенной с дерзостью самостоятельного поиска, исполнены работы Аджемяна. Он поставил на армянской сцене многие произведения русской классики: пьесы Чехова, Горького, Сухово-Кобылина... Режиссер и сейчас убежден, что для любого театра, для любого актера, для любого зрителя обращение к шедеврам русской драматургии было и остается критерием зрелости, таланта, подлинной гражданственности.

Первым спектаклем, заявившим о рождении армянского национального театра, стала пьеса Г. Сундукяна «Пепо». Выбор ее был не случаен. Историю рыбака Пепо знает с детства каждый армянин. Это пьеса, любимая народом, известная ему не хуже собственной жизни.

За долгие годы Аджемян поставил, наверное, все классические произведения армянской драматургии — пьесы Ширванзаде, Сундукяна, Пароняна... Я видел дипломный спектакль в театральном институте, где вот уже много лет преподает профессор Аджемян. На этот раз его ученики показывали комедию А. Пароняна «Восточный дантист». Играли ярко, весело, с юношеской выдумкой и озорством. Это был их первый спектакль, и первые зрители аплодировали щедрому их таланту.

Зрители... В одном ряду сидят учитель, рабочий, домохозяйка, военный, ученый, винодел... Люди совершенно разные и биографиями, и заботами, и отношением к искусству.

— И все-таки,— считает Аджемян,— театр должен объединить их всех самим единством отношения к сценическому действию. Значит, должен найти в каждом спектакле проблему общечеловеческую. И воплотить ее на сцене так, чтобы люди, сидящие в зале, откликнулись сердцем. Конечно, зрителя не надо «кормить с ло-

Е. Романова. Род. 1944. ДЕТСТВО. 1974.

К. Добрай. Род. 1943. СЕМИВЕРСТНЫМИ ШАГАМИ. 1973.

жечки». Он должен и сам стать неотъемлемой активной частью коллективного творческого процесса, каким является спектакль. Вспомните удивительное суждение Гарсиа Лорки: «Театр — это школа слез и смеха, свободная трибуна, с которой люди могут обличать устаревшую или ложную мораль и объяснять на живых примерах вечные законы человеческого сердца и человеческого чувства. Народ, не помогающий создавать свой театр, либо умер, либо при смерти. Но если театр не улавливает со слезами или со смехом пульс общества, пульс истории, драму своего народа и подлинные краски родного пейзажа и национального духа, то он не имеет права называться театром».

Я думаю,— продолжает Вартан Мкртичевич,— наш театр имеет право называться театром. И не только потому, что он уже не первый год занимает второе место среди театров всей Советской страны по посещаемости. Мы не раз чувствовали активную поддержку зрителей. Помню, с каким трудом нам удалось поставить пьесу У. Сарояна «В горах мое сердце». Многие товарищи из министерства культуры республики тогда убеждали нас: «Зритель не поймет, зритель не пойдет...» А зритель идет на этот спектакль уже пятнадцать лет... Нас упрекали за то, что академический театр ставит много комедий. Но разве комедия не полноправный жанр драматургии? Разве ей не по плечу задача нравственного воспитания нашего современника? Вы видели у нас «Невесту с севера» — ведь она принадлежит к редчайшему ныне жанру народной комедии. Талантливая, смешная, яркая — разве могла она не захватить зрителя? Я за любой жанр, если пьеса талантлива. Если она может сделать человека добрее, честнее. Но для этого необходимо лучше знать зрителя, знать проблемы, которые его волнуют.

В 1960 году в нашем старом деревянном здании случился пожар, театр остался без крова. Пока проектировали и строили новое здание, мы пять лет ездили по городам республики, давали спектакли в домах культуры, сельских клубах... Мы лучше узнали своего зрителя. И зритель нас лучше узнал, ближе увидел. Я думаю, время от времени не грех поджигать такие театры, которые далеки от народа, которому призваны служить. Конечно, это всего лишь шутка. А если говорить серьезно, то формы жизни изменяются сегодня крайне быстро. И зритель вдруг перестает ходить на то, чему еще вчера аплодировал. Очевидно, прогресс театра в том, чтобы быть впереди зрителя, возглавлять его духовное развитие...

Сейчас театр имени Сундукяна имеет замечательное здание. Но все равно каждый год 65 спектаклей коллектив ставит в районах республики. Руководитель труппы, актер Ашот Мкртчян, рассказал мне, с какой радостью и волнением выступали они в селении Ошакан, где находится одна из святынь армянского народа — могила Месропа Маштоца.

Я был в селении. Недалеко от него путник встречается с необычным памятником. Это каменная плита; на ней высечен алфавит, созданный Маштоцем в 405 году. С тех пор прошло много веков, но ни одна буква не изменила своего прекрасного начертания. Народ назвал Маштоца Учителем. Он перевел на армянский язык Библию (филологи считают ее «матерью переводов»), написал многие книги, открыл школы... Первые слова, начертанные им по-армянски, исполнены глубокого смысла: «Познать мудрость и наставление, понять изречение разума».

Однажды я спросил Аджемяна, какой спектакль поразил его как зрителя и какой зритель поразил его как режиссера.

— Я видел Станиславского. Его талант ошеломил меня, открыл совершенно новые возможности актера. Я считаю счастьем, что видел на сцене Михаила Чехова.

Лучшие спектакли, которые видел,— «Принцесса Турандот», «Горячее сердце», «Озеро Люль». А зрители... Среди них есть люди поразительного самоотвержения, преданности театру. Из тех, кого я хорошо знал, одним из самых талантливых зрителей считаю Мартироса Сергеевича Сарьяна. Однажды его спросили: «Мартирос Сергеевич, может ли человек жить без искусства?» «Жить? Все зависит от того, что вы понимаете под словом «жить». Если физиологическое существование человека, то да. Если его гармоничное развитие, к которому мы должны стремиться, строя новую жизнь, то ответ может быть только один: нет, нет и нет!»

НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ РОДИНЫ
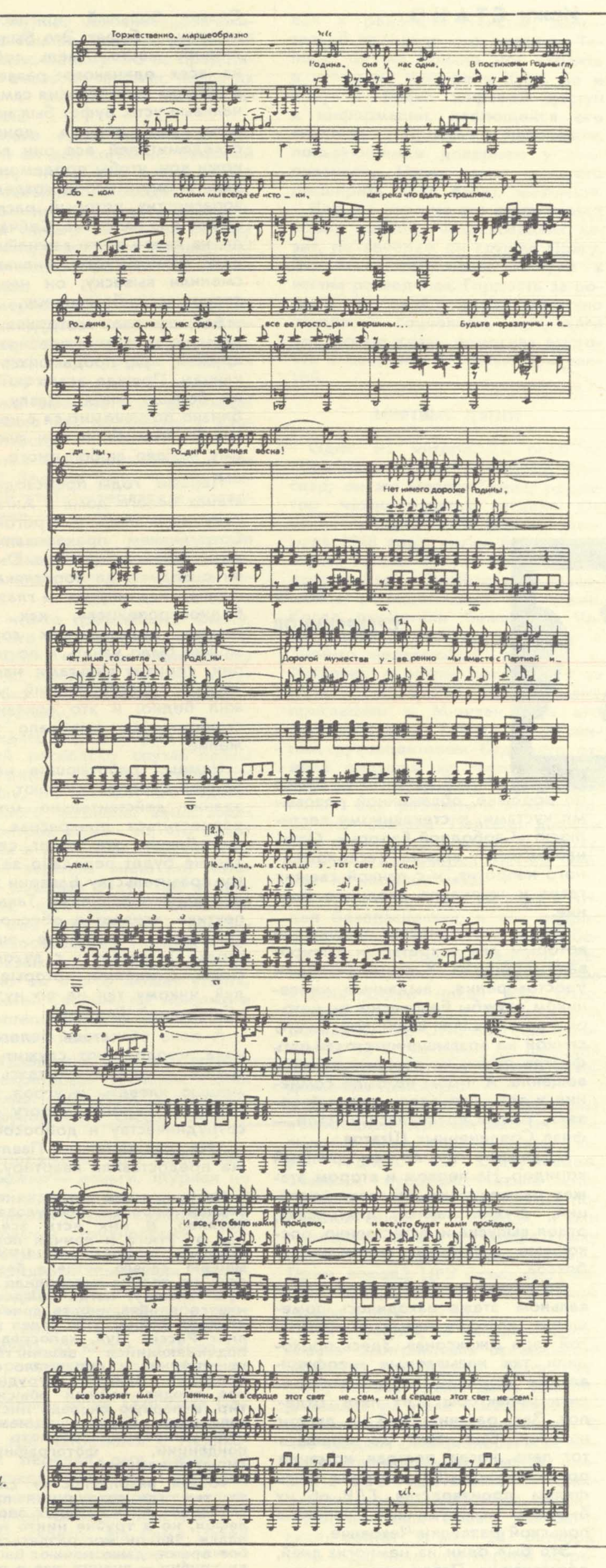
Музыка Валентина ЛЕВАШОВА
Слова Владимира ЛАЗАРЕВА

Родина — она у нас одна.
В постиженье Родины глубоком
Помним мы всегда свои истоки,
Как река, что вдаль устремлена.

Родина — она у нас одна,
Все ее просторы и вершины...
Будьте неразлучны и едины,
Родина и вечная весна!

Нет ничего дороже Родины,
Нет ничего светлее Родины,
Дорогой мужества уверенно,
Мы вместе с партией идем!

И все, что было нами пройдено,
И все, что будет нами пройдено,
Все озаряет имя Ленина —
Мы в сердце этот свет несем. } *2 раза.*

Иржи СТАНО

ЗА 30 СРЕБРЕНИКОВ

Возвращение с другого берега

Каждый день Павел шагал по дорожке, обсаженной розовыми кустами, к стеклянному вестибюлю «Свободной Европы». Останавливался у киоска, расположенного напротив, и с пачкой свежих газет и журналов входил в здание.

Справа находилось окошко, за которым две секретарши выписывали пропуска. У служащих были удостоверения, выданные чиновником службы безопасности, которые предъявляли швейцару. За его спиной на возвышении стояли пять флагов стран, на которые ведется вещание. А чтобы не было сомнения в том, кто здесь главный хозяин, рядом красовался шестой — флаг Соединенных Штатов.

В каждое крыло вел длинный коридор. На первом и втором этажах размещались все пять редакций, студии записи, дикторская, отдел выпуска и, естественно, роскошные кабинеты американских боссов.

До весны прошлого года в подвальном этаже находилось помещение, которое называли «комнатой сэра Джексона». Здесь проходили так называемые «неофициальные встречи», на них собирались редакторы всех пяти отделов. Зал, рассчитанный на двести человек, был набит до отказа в тот день, когда пестрая команда прислужников ЦРУ смотрела здесь фильм производства ГДР об их бывшем «сотруднике», капитане польской разведки Чеховиче.

Это был один из немногих дней, доставивших Павлу истинное удовольствие. Чеховича лично Минаржик не знал. Но мысль, что он не одинок, крепко взбодрила Павла. А паника, поднявшаяся тогда в польском отделе (в других, впрочем, тоже), не поддается описанию.

«Ну что ж, дружище, пока все идет нормально»,— сказал себе Павел, когда погас экран. Хмурый Славек Вольный пригласил Минаржика в буфет. Это было самое людное место. Хмель действовал на всех одинаково: разверзались в потоках многословия самые молчаливые уста. Буфет был истинным раем для шпиков, доносчиков, осведомителей, все они лезли из кожи вон, чтобы продемонстрировать усердие перед «отделом безопасности», который располагался как раз напротив. Сейчас, правда, на двери этого важнейшего отдела мюнхенского филиала ЦРУ сменили вывеску, он называется теперь «служба охраны».

Большинство сотрудников-немцев ненавидят и презирают этот кружок иуд, продавшихся американцам. Прежде всего потому, что им больше платят. Павлу удалось близко познакомиться с некоторыми из немцев, и они рассказали ему немало любопытного.

Первые годы происходившее в стенах белого дома в Английском саду держалось в строгой тайне. Сотрудникам приказывали говорить, что это больница. Они ходили с поднятыми воротниками и в шляпах, надвинутых на глаза. «Свободноевропейцев», как презрительно называли их горожане, можно было узнать и по тому, что они сорили деньгами направо и налево. Послевоенный Мюнхен жил бедно, и это показное расточительство вызывало раздражение.

Немцы, работающие на «Свободной Европе», считают, что в ее здании действительно могла бы разместиться прекрасная больница. Давно уже ходит слух, что здание будет передано земельному правительству Баварии для целей здравоохранения. Такая перспектива вселяет в обосновавшихся здесь эмигрантов животный страх. Он связан и с духом Хельсинки, с идеями, которые, пожалуй, никому так не по нутру, как «Свободной Европе».

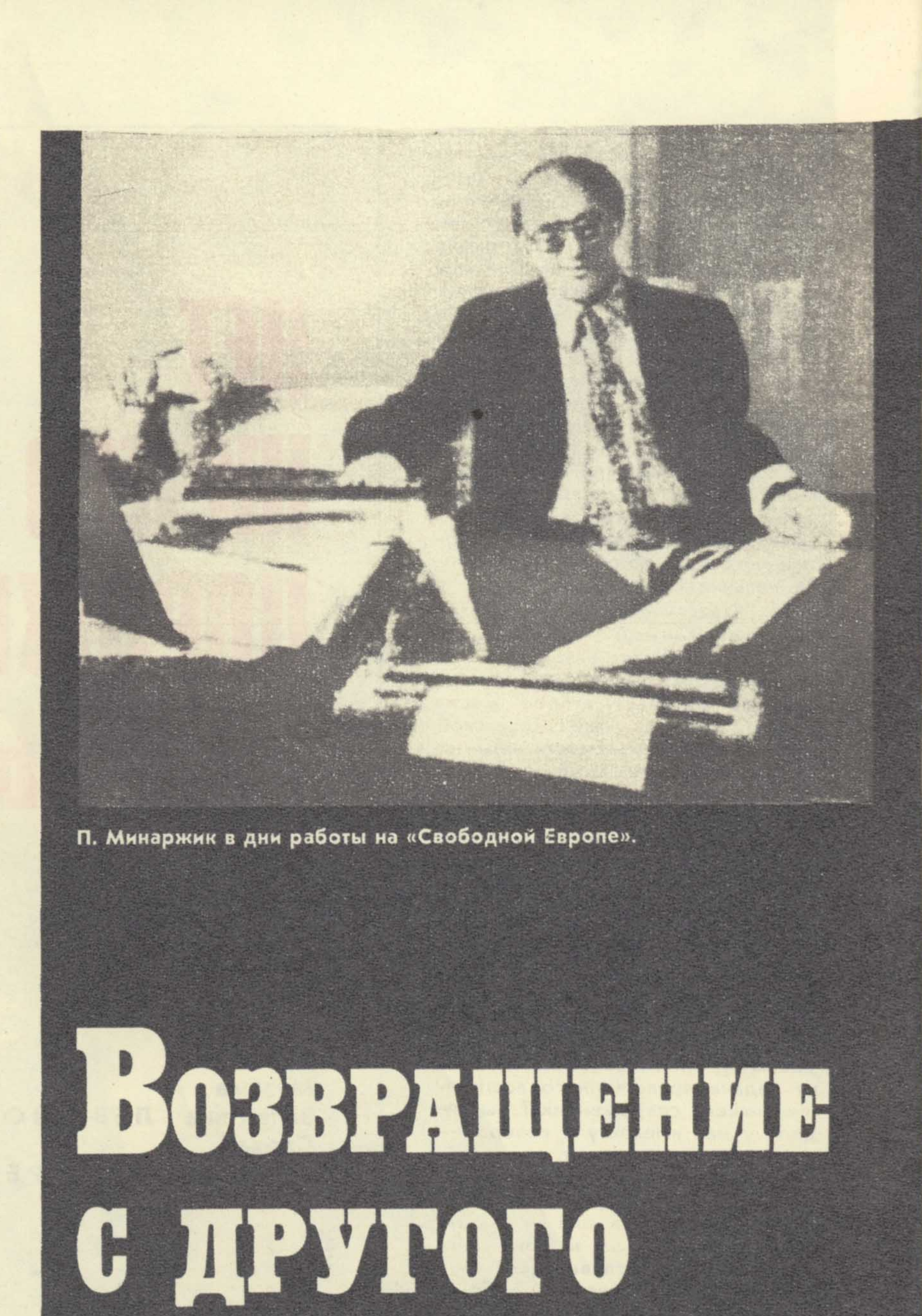
А пока обитатели белого особняка продолжают служить своим грязным целям, пытаясь с помощью клеветы и угроз закрыть народам Европы дорогу к миру, сотрудничеству и добрососедству.

...На радиостанции Павлу сразу же предоставили квартиру.

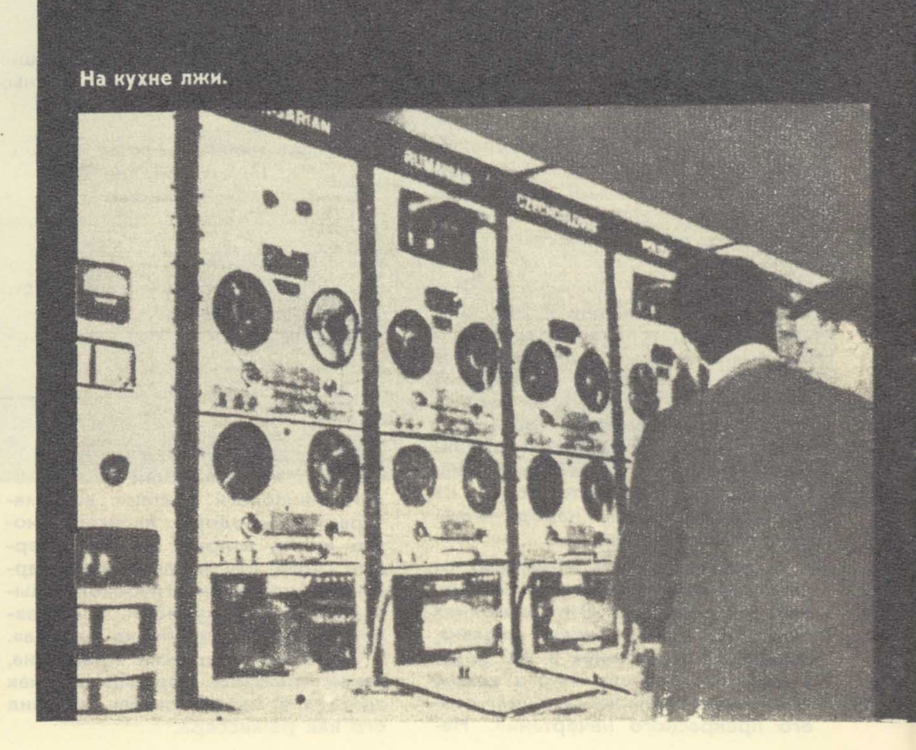
Квартиры для сотрудников «Свободной Европы» оборудованы заботливо. В них есть все, начиная от утюга и кончая подслушивающим устройством. ЦРУ с помощью своего «отдела безопасности» не только установило тотальную слежку, когда каждому вменяется в обязанность доносить на другого (сейчас этот отдел возглавляет Рассел Пул, непосредственно подчиняющийся вашингтонскому центру), но и продумало систему проверки любого сотрудника. В нее входят тайный обыск квартир, в первую очередь письменного стола, шкафов и чемоданов, подслушивание, просмотр корреспонденции, фотографирование скрытой камерой.

«Отдел безопасности» следил и за тем, где сотрудники проводят свободное время. Вдруг звонил телефон, но в трубке никто не отзывался. Звонок мог раздаться в любое время, даже ночью. Вы подняли трубку — значит, все в порядке. В конце концов загадочные звонки доводили и без того измотанного «поборника свободы» до белого каления, и тот шел к мистеру Пулу, чтобы поставить о них в известность. Довольный мистер Пул доверительно объяснял подавленному сослуживцу, что это-де происки коммунистической разведки.

К системе проверки относится и вскрытие писем, обязанность отдавать для контроля каждый конверт, получаемый из социалистической страны, информировать о каждом контакте с чехословацкими гражданами. О поездке в Австрию или Западный Берлин сот-

П. Минаржик в дни работы на «Свободной Европе».

На кухне лжи.

Окончание. См. «Огонек» № 22.

рудники должны заранее сообщить в письменном виде. Шпики ненавязчиво выведают у вас, как вы провели отпуск, понравилось ли вам в Италии или во Франции, с кем там встречались, о чем вели разговор. Всякий раз, когда Павел возвращался из какой-нибудь страны, с ним заводил такую «непринужденную» беседу кто-либо из его «друзей».

* * *

Летом 1969 года Вольный получил задание встретиться с Ота Шиком и передать ему указания относительно его пребывания в Чехословакии, куда последний должен был вернуться. На Западе имя Шика уже померкло, и ЦРУ сочло, что в Чехословакии он окажется более полезным.

Вольного сопровождал Павел. Местом встречи был выбран Базель, город на самой границе ФРГ со Швейцарией.

Они оставили машину у кафе, как договорились заранее, и, устроившись за столиком у окна, стали наблюдать. Через некоторое время, как условлено, у кафе затормозил «Рено-16» и сразу же быстро умчался. Это означало, что Шик ждет их через полчаса на окраине города.

Павел видел его впервые. Трясущийся, сутулый, Шик был похож на кого угодно, только не на героя. Первое, о чем он спросил, стоит ли ему вообще ехать. Но это был приказ. Шик возразил, что его могут арестовать. В ЦРУ этого тоже не исключали и предусмотрели два возможных варианта. Если Шика арестуют, роль мученика, какого он будет изображать, окажется весьма полезной. Если нет, он оправдает свою репутацию героя, укрепляя старые и завязывая новые контакты.

Однако Ота Шик предпочел остаться в эмиграции.

Как оказалось, ЦРУ переоценило его. Как экономист он потерпел провал, над ним смеялись даже западные ученые. Павел Тигрид, один из деятелей «Свободной Европы», вынужден был признать: «То, что Шик выдает за «теорию»,— мошенничество и обман, ему просто не хватает образования». В первое время после эмиграции Шик котировался на Западе благодаря той роли, которую он играл во время событий так называемой «пражской весны». Однако вскоре и в ЦРУ пришли к выводу: как товар длительного пользования он не годится.

ДИРИЖИРУЕТ ЦРУ

На первые же заработанные деньги Павел нанял учителя и за полгода в совершенстве постиг тайны немецкой грамматики. Это дало ему возможность вступать в контакты с сотрудниками-немцами. Пейскар, Беллуш, Вольный и прочие господа не знают языка страны, где они работают. Впрочем, это и понятно, если учесть, что «Свободная Европа» — американская территория: их «родной» язык другой. Потом Павел поставил себе задачу выучить английский. Накопив денег, он взял отпуск за свой счет и в январе 1971 года уехал в Лондон. Три месяца, проведенные там, он занимался исключительно языком.

Теперь он мог читать материалы ЦРУ, написанные по-английски. Однажды Фирт передал ему для ознакомления документ, на титульной странице которого стояло от руки: **«Совершенно секретно»**.

Документ назывался «Задачи «Свободной Европы» и был подготовлен «комитетом «Свободной Европы». Павел понял, что перед ним подробный план подготовки руками ЦРУ «тихой контрреволюции» в Чехословакии и доказательство того, какую роль в осуществлении этого плана играет «Свободная Европа».

В тот вечер Павел внимательно изучил секретный документ и переснял все 43 страницы, на которых разбираются возможные варианты диверсий против социалистических государств. Отдельные главы посвящены Совету Экономической Взаимопомощи, молодежи, национальным меньшинствам, науке, культуре и искусству. Документ был составлен в 1963 году. Французская газета «Франс кюльтюр» в своем недавнем интервью с И. Пеликаном не случайно назвала этот год «вступлением к пражской весне 1968 года». И если сопоставить лозунги ЦРУ с философией Свитака, с экономическими «экспериментами» Шика, с «новой моделью социализма», наконец, с деятельностью самого Пеликана, бывшего генерального директора телевидения, становится ясно, кто вдохновлял реакцию в Чехословакии. Под этими лозунгами она открыто выступила в 1968 году, их буквально повторили авторы пресловутого послания «2000 слов».

Главное направление деятельности «Свободной Европы», говорится в первой же главе документа,— подчеркивая особые интересы лиц интеллектуального труда, добиться их отхода от марксизма-ленинизма, пошатнуть основы социалистического строя. В этих условиях оппозиционно настроенные элементы получат возможность укрепить свой авторитет, одновременно поставив под сомнение компетентность высших партийных органов. По мере углубления этот процесс приведет к тому, что руководящий политический аппарат будет все более и более отстраняться от действительного руководства, фактическая власть перейдет к новым центрам, в которых сосредоточится оппозиция. Они должны полностью взять под свой контроль такие группы населения, как писатели, художники, артисты, верующие, техническая интеллигенция и другие. В результате новая элита завоюет доверие масс и вызовет недоверие к партийным органам.

Разве не по этой схеме развивались события в Чехословакии?

Особое внимание уделено молодежи. Расчет делается на отсутствие у нее жизненного опыта, на то, что ей легче внушить искаженное представление о событиях далекого и недавнего прошлого. Поэтому прежде всего на молодежь была рассчитана, например, серия передач-фальшивок к 30-летию окончания второй мировой войны.

В передачах для молодежи, говорится в этой главе, необходимо подчеркивать право каждого быть индивидуальностью, воспитывать сознание национальной обособленности и в то же время пропагандировать близость с западной культурой. ЦРУ устами «Свободной Европы» сеет национализм в умах молодых людей, раздувает имеющиеся якобы противоречия между отдельными социалистическими странами и рекламирует некую общность их интересов с интересами западных стран. Цель давно известна — вызвать раскол в крепнущем социалистическом содружестве государств.

«Задачи «Свободной Европы» написаны в 1963 году, за 12 лет до совещания в Хельсинки. Но и в последнем отчете «Совета по вопросам международного радиовещания» при американском конгрессе от 30 октября 1975 года цели и средства остались прежними.

...С самого своего появления в Мюнхене Вольный искал способ прославиться. Некто Ярослав Кучера, сбежавший из ЧССР в начале 1969 года, предложил ему основать журнал чехословацкой эмиграции. Точнее, послеавгустовской эмиграции, потому что ее представители очень не любили, когда их путали с эмиграцией послефевральской.

Вольного идея привела в восторг, и он дал согласие. Вольный не учел, что у его хозяев иные представления о свободе и о том, чем должны заниматься эмигранты. Он ничего не сказал своему начальнику о журнале. Первый номер «Текста» вышел в июле 1969 года.

Примерно тогда же в один из летних вечеров в квартире Минаржика на Штольцингштрассе зазвонил телефон. В трубке раздался голос Фирта:

— Чем занимаетесь, дружище? Приглашаю вас поужинать в «Золотой город»!

«Скряга Фирт приглашает в ресторан! Должно быть, что-то важное. Но что?» — терялся в догадках Павел.

— Для вас есть дело,— сказал Фирт.— Вы нужны нам в «Тексте». Как вы туда попадете — наша забота.

Если что-то требовалось Фирту, значит, это требовалось американцам. Фирт передал Минаржику привет от мистеров Уолтера и Кука и без предисловий перешел к инструктажу.

— Видите ли,— говорил Фирт,— Вольный несколько спутал планы американцев. Те уже пообещали Пеликану, что сделают его издателем такого журнала. Ваша задача — контролировать то, что будет делаться в редакции «Текста». Мы должны заранее знать все материалы, которые будут там публиковаться, нам должно быть известно обо всех письмах, контактах с Чехословакией. Правда, Вольный обязан сам сообщать нам об этом, но он что-то может утаить, понимаете? Словом, вы поможете нам постепенно и незаметно ликвидировать «Текст».

Так Минаржик стал ответственным секретарем «Текста». Связь он держал с Фиртом, а всей акцией руководили сверху Уолтер и Кук.

В распоряжении ЦРУ было главное оружие — деньги. Журнал не получил от американцев ни цента и с самого начала столкнулся с финансовыми трудностями. Помощь пришла от судетских немцев, которых привлекли Вольный и Кучера. Впрочем, финансовые дела редакции эти двое держали в тайне и в любой момент могли взять из кассы, сколько им заблагорассудится, на личные надобности.

В середине июня 1970 года Павел по заданию ЦРУ отправился в Рим, где встретился с Пеликаном и передал ему картотеку подписчиков «Текста», сообщив, что журнал скоро закроется и тогда Пеликан сможет приступить к изданию своего. Из Рима Павел вернулся в хорошем настроении. Каждая такая поездка имела для него и свой, скрытый смысл, о котором знал только он.

Пеликан с энтузиазмом взялся за издательское дело. Журнал «Листы», который он издает по сценарию ЦРУ, считается органом так называемой «внутренней оппозиции» в Чехословакии. Но «внутренняя оппозиция» находит на его страницах лишь новые указания ЦРУ. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку.

Задание, которое выполнил Павел в редакции «Текста», значительно укрепило его позиции. Теперь он не только мог входить в кабинеты Кноуфа и Кука, но и получил более широкий доступ к информации, касающейся его «коллег». Прослыв человеком, пользующимся доверием у американцев, Павел смог намного расширить круг своих знакомств.

Каждое утро на его столе лежал ворох свежих чехословацких газет, по вечерам он слушал Прагу. Это были счастливые минуты в жизни разведчика. Гордость за родину, за свой народ, уверенно строящий социализм, придавала ему новые силы, помогала выстоять в поединке с ложью и клеветой.

МЕРТВЫЕ ДУШИ

Одна из интересных особ на «Свободной Европе»—Йозеф Пейскар, он же Йозеф Тужка, редактор чехословацкого отдела. Он успел проявить себя еще до февраля 1948 года, когда был редактором газеты «Слово народа», издававшейся в Зноймо и отличавшейся реакционными взглядами. Когда предатели бежали из Чехословакии, он организовал в Зноймо нелегальный переход в Австрию, а потом последовал за ними и сам. В 1950 году Пейскара пригласили в Мюнхен, где его земляк Павел Тигрид, назначенный руководителем будущего отдела вещания на Чехословакию, набирал сотрудников. Тигрид предложил ему работать в этом отделе, но сначала Пейскар должен был пройти тщательную проверку, которая, как уверял Тигрид, займет не меньше года.

Тигрид направил Пейскара в «отдел безопасности», и там вопрос о том, достоин ли Пейскар работать на «Свободной Европе», решился в несколько секунд. У шефа отдела сидел некий м-р Отто. Увидев его, Пейскар просиял, они обнялись. М-р Отто был тем человеком ЦРУ, который до февраля 48-го инструктировал своего осведомителя Пейскара.

Новоиспеченный сотрудник «Свободной Европы» выбрал себе звучный псевдоним — Йозеф Перо. Однако его сослуживцам, знавшим публицистические способности Пейскара, псевдоним показался слишком громким, и они перекрестили его в Йозефа Тужку («тужка» по-чешски «карандаш».— **Прим. перев.**). ЦРУ назначило Пейскара редактором эмигрантской газеты «Ческе слово».

Как известно, на Западе существовала эмигрантская организация «Комитет свободной Чехословакии», первое время даже претендовавшая на роль «чехословацкого правительства в эмиграции». В нее входили реакционеры всех мастей, оплачивавшиеся из-за океана. В 60-е годы «Комитет» практически прекратил деятельность.

Потребовался новый эмигрантский центр. И вот 28 октября 1972 года, накануне первой встречи европейских министров иностранных дел в Хельсинки, несколько самозванцев провозгласили себя «Чехословацким консультативным советом в Западной Европе». Этот «совет» ни с кем не совещался и никого не представляет. Йозеф Тужка самолично возложил на себя полномочия его «генерального секретаря». Новая организация не что иное, как филиал «Свободной Европы», который поддерживает связи с землячествами чехов и словаков в различ-

ных странах мира. У нее нет да и не может быть какой-либо программы, кроме одной — собирать деньги (главные поступления идут из-за океана) и рассылать их «борцам за свободу Чехословакии».

Минаржик получил задание из Праги проникнуть в эмигрантское гнездо. И когда он размышлял, как это сделать, на помощь снова пришел Фирт. Как и в первый раз, тот назначил Павлу встречу в ресторане.

— Ну что ж, дружище, с «Текстом» вы справились прекрасно,— сказал Фирт.— Теперь мы решили отправить вас в «консультативный совет». Задача — узнать, что там происходит. Я сам член «Комитета свободной Чехословакии», и мы хотели бы сотрудничать с коллегами из «совета». Да, у нас уже есть там свои люди, например, Пейскар, но ведь, как говорится, глаз хорошо, а два лучше.— Фирт поднял бокал.— За ваше здоровье! И помните: если вам предложат там какую-нибудь должность, не отказывайтесь! А пробраться туда мы вам поможем.

Через несколько дней, в октябре 1973 года, в мюнхенской гостинице «Арабелла» состоялся ежегодный съезд «Чехословацкого консультативного совета», и Минаржика приняли в ряды организации, поскольку дорожили каждым новым членом. Пейскар предложил ему работать в своем секретариате. Правда, он преследовал и собственные цели: зная, что Павел послан Фиртом, Пейскар надеялся, что тот замолвит словечко перед американцами, чтобы они не скупились на ассигнования.

В числе почетных гостей на съезде присутствовал представитель «землячества судетских немцев» Вальтер Бехер. Связь «консультативного совета» с землячеством держалась в строгой тайне, о ней знал лишь узкий круг лиц, особо доверенных Пейскару. Эта связь могла пригодиться на случай, если в западногерманском бундестаге зайдет речь о продлении срока действия лицензий, предоставленных «Свободной Европе».

Особенно тщательно эту связь скрывали от землячеств в Америке: если бы обнаружилось, что Пейскар предает таким образом интересы своих соотечественников, ему никогда бы уже не видать их доверия. А ведь он мечтал, когда выйдет на пенсию, переселиться в Штаты и там продолжать борьбу за «новую Чехословакию».

По заданию Пейскара Павел поддерживал связь с Пеликаном. Всякий раз, когда Пеликан прибывал в Мюнхен, Минаржик тайно встречал его на вокзалах, аэродромах, в загородных кафе. Пейскар требовал от Пеликана сенсационных материалов для своего листка, и последний отдавал то, что не годилось «Свободной Европе».

Вторая генеральная ассамблея «консультативного совета», на которой присутствовал Павел, состоялась в ноябре 1974 года в Лозанне. Цитируем выступление Пейскара: «Среди нас имеются соотечественники, которые сознательно отстраняются от работы в организации. Это малодушие и трусость! Борьба с коммунизмом во всем мире, во всех свободных странах — наша главная задача. Среди нас есть немало таких, которые верят коммунистам. Мы должны их убедить: коммунистам нельзя верить!»

Еще показательнее эмигрантское сборище в ноябре 1975 года во Франкфурте-на-Майне. Оно состоялось через три месяца после того, как представители 35 государств подписали Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Господин Пейскар заявил своим подопечным:

«В июле этого года вместе с представителями болгарской, польской и венгерской эмиграции мы приняли заявление по поводу общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Мы призвали западные правительства в переговорах с коммунистическими государствами не забывать своих обязательств перед странами Центральной и Восточной Европы и предостерегали их от признания статус-кво. Дальнейшая наша деятельность определяется хельсинкским документом. Наше отношение к совещанию крайне отрицательное.

Первоочередная задача на ближайшие два года — увеличить приток информации из Чехословакии. Мы должны добиться этого во что бы то ни стало. Каждому, кто будет поставлять интересующие нас сведения, гарантируется, что его имя не будет разглашено».

ТУЧИ НАД «СВОБОДНОЙ ЕВРОПОЙ»

С попытками поднять репутацию «Свободной Европы» был связан приезд Анатоля Шуба, американского журналиста, который несколько лет был аккредитован в Москве и выдворен оттуда.

Когда в октябре 1972 года Шуб появился в белом особняке Английского сада, каждый из сотрудников чехословацкого отдела хотел с ним подружиться. Больше всех — Карел Ездинский, которому Минаржик сказал, что Шуб скоро станет одной из главных фигур на радиостанции. Это подтвердилось через два месяца: Шуб был назначен руководителем центрального отдела информации.

Вслед за ним прибыла группа деятелей конгресса из Вашингтона, чтобы установить, соответствуют ли высокие оклады сотрудников радиостанции результатам их «труда». В 1973 году последовала еще одна проверка.

Над «Свободной Европой» разразилась первая гроза. Начались увольнения, всем сотрудникам резко снизили оклады. Особняк бурлил, как осиное гнездо. Каждый старался доказать свою незаменимость, один топил другого, чтобы выплыть самому. В Вашингтоне сенатор Фулбрайт обрушился на «Свободную Европу», назвав ее «реликтом холодной войны». С другой стороны, реакционеры предпринимали все, что могли, защищая свое детище. И поэтому, когда в Мюнхен прибыла новая комиссия, ей представили пять молодых сотрудников, по одному от каждого национального отдела (от чехословацкого выступал Карел Ездинский) — новые силы, молодая кровь, которые должны были доказать, что есть еще у «Свободной Европы» порох в пороховницах.

Говоря о «реликтах», сенатор имел в виду время, когда радиостанция формально принадлежала «частному» «комитету «Свободной Европы», под вывеской которого укрывалась американская разведывательная служба. Потом ЦРУ предприняло новый маневр. Конгресс США основал в Вашингтоне так называемый «Совет по вопросам международного радиовещания», который осуществляет контроль за радиостанциями «Свобода» и «Свободная Европа» и отвечает за финансовые вопросы. Газета «Вашингтон пост» писала уже тогда, что «подобное радиовещание равносильно вмешательству во внутренние дела государств, на которые оно ведется».

Когда утверждался бюджет этого «Совета» на 1976 год, его председатель Дэвид Эбшир запросил 65 миллионов долларов. Член палаты представителей Лестер Вулф спросил Эбшира: «Вы говорите, что стремитесь повлиять на общественность. Я полагаю, речь идет о влиянии, оказываемом с целью изменить общественную структуру». «Вы совершенно правы»,— ответил Эбшир. Его признание свидетельствует о том, что «Свободная Европа» является инструментом диверсий и шпионажа против социалистических стран. Не случайно Уолтер К. Скотт, вице-президент «Совета по вопросам международного радиовещания» и нынешний европейский директор радиостанций, как и многие его сослуживцы, уже долгие годы является штатным сотрудником ЦРУ.

* * *

...В начале 1975 года, в разгар злобной кампании, развернутой чехословацким отделом «Свободной Европы» накануне 30-летия освобождения Чехословакии Советской Армией, Минаржику сообщили из Праги: «Готовьтесь к возвращению. Оно состоится не позднее конца этого года».

Павел не прекращал работу до последнего дня. Сейчас надо было соблюдать особую осторожность, чтобы какой-нибудь досадной оплошностью не испортить всей операции.

И вот час настал. В начале ноября 1975 года Минаржик встретил в коридоре Рассела Пула и сказал ему, что решил уйти со «Свободной Европы». Пул посоветовал хорошенько подумать.

— Мы сделаем так,— сказал он.— Вы заключите с нами соглашение и еще три месяца будете получать свой оклад. Потом, когда уйдете, за вами в течение года сохранится право вернуться на радиостанцию.

— О'кей,— согласился Павел.

Вскоре после этого разговора Минаржик явился в персональный отдел и в присутствии американского представителя изложил свои взгляды. Человек он, мол, еще молодой, способный и не хотел бы всю жизнь посвятить «Свободной Европе», где едва ли станет профессиональным журналистом. Решил поискать себе место в Штатах.

— Вы правы,— согласился американский представитель,— здесь можно закиснуть. Или стать профессиональным эмигрантом. А Америка—страна неограниченных возможностей.

3 января Павел записал в студии свою последнюю передачу, которая должна была выйти в эфир в конце месяца, то есть когда он уже вернется домой. И вот он уже пересекает Атлантику. Короткая остановка в Нью-Йорке. Снова аэродром. Наконец, он летит на родину. Как сквозь туман, до него донеслись слова стюардессы: «В Праге солнечно, семь градусов ниже нуля. Желаем приятного пребывания в Златой Праге!»

Павел подождал, когда выйдут все пассажиры, и последним ступил на трап. Внизу увидел знакомые улыбающиеся лица и только сейчас поверил, что он дома.

Первым его обнял Гонза.

Перепечатывается с сокращениями из приложения к газете «Руде право». Перевел с чешского Б. ЛАБУТИН.

ПО ПУТИ НА ОЛИМП

Решение Международного Олимпийского комитета о включении женского баскетбола в программу XXI летних Олимпийских игр способствовало росту спортивного мастерства. Наглядный пример этому — серия недавних встреч сборной команды СССР с американскими командами.

Наша сборная по праву считается «законодательницей мод». Многократный чемпион

ПУТЕШЕСТВИЕ КУБКА

В руках у капитана команды «Спартак» Юрия Ляпкина — Кубок. Эту фарфоровую вазу, созданную на Ломоносовском заводе по заказу «Огонька», украшают слова «Кубок Справедливой Игры» и перечень команд: ЦСКА, ЦСКА, Спартак, Крылья Советов, Торпедо, Спартак.

Последняя строка появилась всего несколько дней назад, перед вручением Кубка его очередному владельцу.

Как известно, хоккей и вежливость не очень уживаются друг с другом, но тем более важно удерживать борьбу в рамках спортивных правил. Этому-то и должен способствовать огоньковский Кубок.

Перед началом Всесоюзного первенства каждая команда получает по 200 условных очков, к которым затем приплюсовываются штрафные минуты и вычитаются заброшенные шайбы. В этом году лучший результат показали спартаковцы: у них всего лишь 257 очков (200+246—189).

В. ВИКТОРОВ

мира и Европы, она одна из основных претендентов на первые в истории женского баскетбола олимпийские медали. Вот почему наш приезд в США вызвал большой интерес, особенно среди студенческой молодежи. Хотя встречи со сборными командами (американцы называют их «командами всех звезд») отдельных штатов и городов, которые проходили в Провиденсе, Мемфисе, Милуоки, Де-Мойне и Куинси, проходили при явном нашем преимуществе, за ними с неослабным вниманием следили тысячи любителей спорта.

В Лос-Анджелесе проходили встречи нашей команды с национальной сборной США. Мы выиграли обе встречи с результатами 60:56 и 92:69, но победа далась нам нелегко.

Товарищеские встречи советских и американских баскетболисток стали хорошей проверкой их готовности к выступлению в Монреале, а затем боевая готовность команды была окончательно проверена на чемпионате Европы во Франции. Советские баскетболистки в 13-й раз завоевали первенство.

Р. ЭЛСБЕРГ,
председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров Латвийской ССР

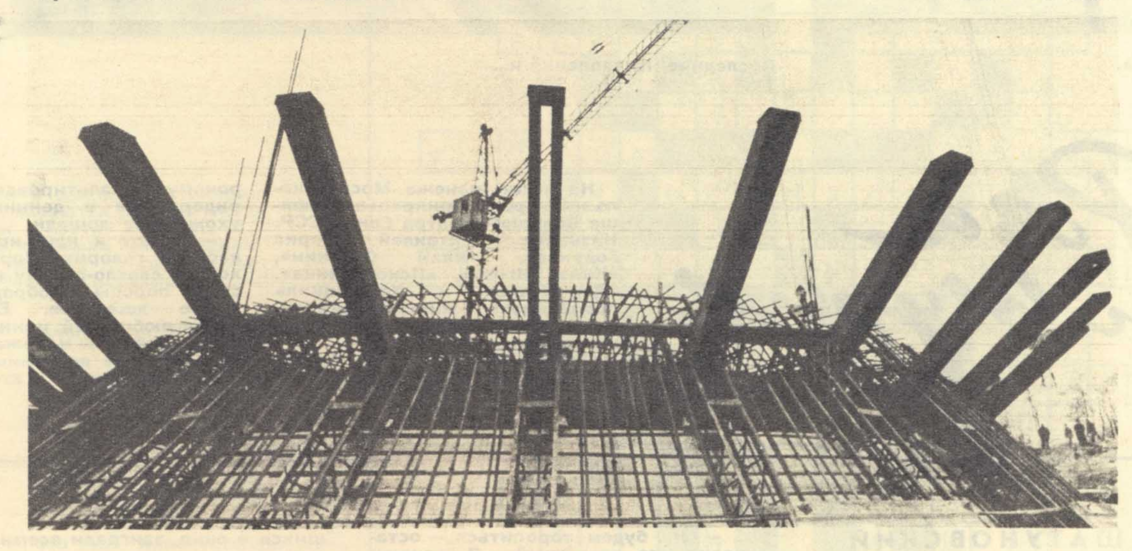
ТАЛЛИН НАЧАЛ СТРОЙКУ

Когда председатель Международного Олимпийского комитета лорд Килланин 23 октября 1974 года объявил, что в результате тайного голосования столицей Олимпиады-80 избирается Москва, для Таллина это означало, что он будет хозяином олимпийской парусной регаты. Великолепные природные условия бухты Финского залива, на берегах которого стоит город, благоприятное направление господствующих ветров, отсутствие встречных течений, близость гоночных дистанций к парусному центру — все это сыграло свою роль. Но, кроме этого, имело значение и то, что парусный спорт — давнее увлечение эстонцев. Среди членов таллинского яхт-клуба есть чемпионы страны, призеры Олимпийских игр, победители крупнейших парусных соревнований. И вот теперь начато строительство олимпийского парусного центра. Предварительно был проведен конкурс на лучшее архитектурное решение. Жюри рассмотрело двенадцать работ и на основе лучшей работы архитекторов Хенно Сеппмана и Пеэпа Янеса большим коллективом был разработан проект сооружения олимпийского комплекса.

На месте маленького яхт-клуба, который стоит в устье реки Пирита, будет построен обширный эллинг, просторные помещения для просушки парусов, мастерские, а гавань вместит более 500 яхт и швербот. Рядом с яхт-клубом поднимется олимпийская деревня. Уже идут работы по реконструкции дороги из города в Пириту. Строители отнимут у моря часть его ложа, что позволит проложить многорядную автомагистраль. За нулевую отметку уже вышла новая радиотелевизионная башня, — ее проектная высота 316 метров.

Владимир ВЕЛЬМАН

Строительство таллинской телевизионной башни. **Фото В. Сальмре**

«СЕРДЦЕ СЕРДЦУ ВЕСТЬ ПОДАЕТ»

Николай Рерих, сто лет со дня рождения которого недавно отмечалось во всем мире, превратился в фигуру символического значения. В его многогранном творчестве, в его гражданской и общественной деятельности с огромной силой проявилась великая отзывчивость русского характера. Искусство русского художника вобрало в себя живые традиции культур народов Запада и Востока. Но особое место в его жизни занимает Индия. «Повсюду сочетались две темы — «Русь и Гималаи»,— записывает он в дневнике. В прологе к фильму «Николай Рерих»[1] премьер-министр Индии Индира Ганди, лично знавшая художника, говорит, что он является связующим звеном между культурами двух великих стран.

Перед создателями фильма стояла задача большой сложности. Надо было не утонуть в богатейшем биографическом материале, выделить существенные и характерные моменты, сцементировать их единой мыслью. Авторы фильма не пошли по пути внешней описательности. Они показывают художника, как бы изнутри раскрывая его сокровенный мир. Кинокамера становится своеобразным спутником, приобщающим нас к истокам, которые питают могучее творческое воображение Рериха. На экране оживает сдержанная и торжественная красота северного пейзажа. Синева полноводной реки плавно переходит в синеву простора. Возникают знакомые до боли в сердце очертания шедевров древнерусского зодчества. Все это затем перекочует на полотна знаменитого русского цикла художника. Вглядываешься в таинственно-тревожную перспективу картин и видишь: не копия это, не механическое воспроизведение жизни, ибо пейзаж одухотворен, а исторический сюжет поднят на высоту символа. Границы творчества художника раздвигаются все шире. Алтай. Монгольские степи. Тибетское плоскогорье. Гималаи.

Исключительно ответственна была роль оператора в фильме, ибо он должен был увидеть то, что видели глаза Рериха. Признаюсь, оператор мне все время представляется художником и поэтом: с таким вкусом и тактом он отбирает материал и так проникновенно запечатлевает и зеленеющие холмы русской равнины, и величественную панораму Гималайских гор. Он как будто раскрывает смысл программного изречения Рериха: «Красота мира и есть победительница».

Сам Рерих в картине появляется лишь однажды. Но присутствие Рериха ощущается в каждом кадре. Постепенно перед нами развертывается творческая и духовная биография художника.

Не в узких стенах творческой лаборатории предстает Рерих перед нами, а участником грандиозных событий своего времени. Поэтому так естественно монтируются в картине кадры документального кино. Впечатляюще смотрится хроника двадцать шестого года, отразившая трудовой подвиг нашей страны. Именно в этом году Рерих приехал в Москву со специальной миссией — передать Советскому правительству послание индийских махатм, приветствовавших новый строй.

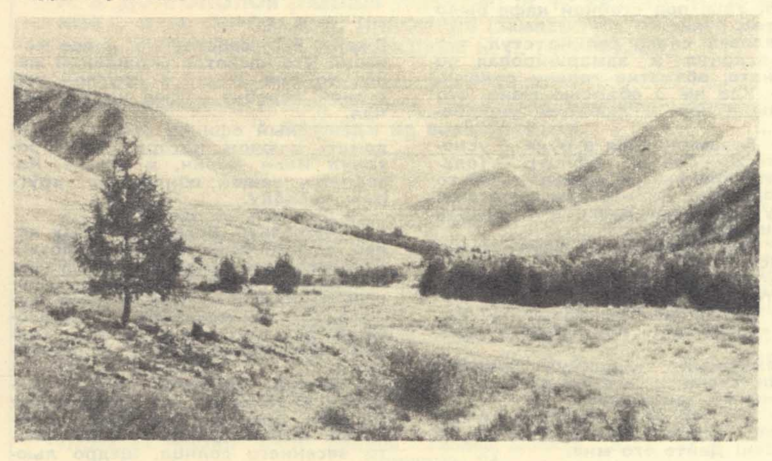
Фильм о Рерихе — произведение цельное и своеобразное. На его примере лишний раз убеждаешься, как зыбка и условна граница между документальным и художественным кино. Документ, обогащенный подлинным творческим вдохновением, может стать поэтическим явлением. Строго говоря, фильм «Николай Рерих» — документальный фильм, но, построенный по законам и принципам художественного искусства, он сумел перерасти рамки своего жанра. В этом, по-моему, оригинальность сценарного замысла и мастерство режиссера..

Идут заключительные титры фильма. «Сердце сердцу весть подает. Красив индо-русский магнит». Эти поэтические строки Рериха удивительно современны, ибо единение народов Советского Союза и Индии, ради которого жил и творил художник, стало реальностью наших дней. И знаменательно, что в фильме звучат слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные на XXV съезде КПСС: «Тесное политическое и экономическое сотрудничество с Республикой Индией — это наш постоянный курс».

Валентин СИДОРОВ

[1] «Киевнаучфильм». Авторы сценария Р. Григорьева, Л. Шапошникова. Режиссер Р. Сергиенко. Операторы В. Квас, О. Мартынов.

Кадр из фильма.

Роза.

Последние наставления и...

...к зрителям.

Роза и Шурик

На стене манежа Московского ипподрома прикреплена афиша Большого театра Союза ССР. Название спектаклей «Борис Годунов», «Иван Сусанин», «Князь Игорь», «Псковитянка», «Дон Кихот» и «Хованщина» подчеркнуты жирной линией. В этих представлениях участвуют питомцы ипподрома.

Марина Феоктистова, бригадир конюхов, ведет меня по широкому асфальтированному коридору, где в денниках стоят ухоженные лошади.

— А вот и наш красавец,— ласково говорит Марина, подходя к светло-серому коню терской породы. Добродушное и умное животное. Ежедневно возит любителей конного спорта по дорожкам манежа. Спортсмены вполне довольны им.

Но у коня есть и вторая обязанность. Он «солист» оперы и балета. Артисты зовут его Шуриком. В антрактах за кулисами наперебой угощают своего любимчика сладостями и фруктами.

Не все животные переносят яркий свет сцены, музыку оркестра и гром аплодисментов. Шурик и его друзья — вороной Хмель и ослица Роза, которая прописана в уголке Дурова,—

И. ШАТУНОВСКИЙ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Бриллиантовая ДИАДЕМА

В комнату милиции аэропорта вихрем ворвался человек с вытаращенными глазами. Как потом оказалось, это был мой друг, геолог Иван Ильич Сытов.

— У меня пропали ценности,— сказал он ледяным голосом дежурному лейтенанту Яхромову.— Я близок к отчаянию.

— Вас обокрали? Ограбили? — насторожился лейтенант.— Когда это случилось?

Ворвавшийся тяжело опустился на стул и тут же вскочил, словно сел на раскаленную плиту:

— Мой рейс до Сочи задерживался. Я пошел в кафе, поставил свой чемодан под стойку. А тут объявили вылет. Я помчался на посадку и только в самолете хватился, что со мною нет чемоданчика. Я выпрыгнул, когда уже убирали трап. Увы, под стойкой кафе было пусто...

Человек снова сел на стул, тут же вскочил и замаршировал по комнате, обхватив голову руками.

— Как же я объясню жене, что пропали все ее любимые украшения...

— Возьмите себя в руки и успокойтесь,— сказал офицер.— Только что носильщик принес какой-то чемоданчик. Ваш-то как выглядит?

Луч надежды блеснул в глазах Ивана Ильича:

— Не может быть! Неужели нашелся?..

— Опишите ваш чемоданчик,— повторил Яхромов.

— Да такой, обыкновенный. Типа «дипломат». Коричневого цвета.

Дежурный выдвинул нижний ящик стола и извлек оттуда коричневый «дипломат».

— Да, это он,— обалдело пролепетал геолог.— Какое счастье, я спасен! Дайте его мне.

— Не будем торопиться,— остановил его дежурный.— Я должен удостовериться, что этот чемоданчик действительно ваш. Перечислите, пожалуйста, какие предметы находятся в нем.

Лейтенант взял ручку, приготовился писать.

— С чего же начать? Тут мои дорожные принадлежности и украшения жены.

— Конкретнее.

— Можно и конкретнее. Две пары мужских носков. Электробритва «Нива». Мыло, зубная щетка, зубная паста. Журнал «Смена» с разгаданным кроссвордом. Чуть початая бутылка виски «Лонг Джон». Вот, собственно, и все мои вещи. Что касается украшений жены, то они лежат в круглой жестяной коробке из-под индийского чая.

Дежурный офицер открыл «дипломат» ключом, который ему протянул Иван Ильич, и среди названных вещей обнаружил круглую коробку.

— Так что же здесь?

— Извольте. Восемь золотых колец с камнями, четыре золотых браслета, две золотых статуэтки кустарной работы, две пары сережек из платины, три золотых кулона, золотой медальон и, чем особенно дорожит жена, золотая диадема, инкрустированная бриллиантами.

Работник милиции открыл коробку и высыпал ее содержимое на стол. Драгоценные камни в золотых изделиях под лучами яркого весеннего солнца, щедро льющихся в окно, заиграли всеми цветами радуги.

— Ого! — присвистнул дежурный.

Он ни разу еще не видел столько дорогих украшений.

— Вы убедились, что чемоданчик действительно мой? — радостно воскликнул геолог.

— Да, убедился,— вовсе не разделяя восторга Ивана Ильича, сказал лейтенант.— Теперь объясните, где вы взяли столько ценностей?

— Вы меня подозреваете в чем-то нехорошем? — сконфузился геолог.— Украшения, можно сказать, куплены за тридевять земель. Видите ли, я работал в тех краях, где все эти вещицы стоят баснословно дешево. Моя жена любит украшения. Между прочим, Матильда моложе меня на шестнадцать лет. Могу же я доставить ей удовольствие.

Лейтенант взял бриллиантовую диадему и поднес к глазам:

— Пока вернуть чемоданчик не имею права. Должен доложить дежурному по городу. Пусть он решает.

...Ранним утром меня разбудил звонок, и я услышал в трубке взволнованный голос Ивана Ильича:

— Я звоню из Сочи. Ты знаешь, что со мной вчера было?

И он рассказал свою историю.

— А Матильда? Как отнеслась ко всему этому? — спросил я его.

— Она ничего не знает. Я ей объяснил, что в последний момент испугался брать в дорогу ценности. Матильда поворчала и успокоилась. А я не нахожу себе места. Конечно, лейтенант Яхромов дал мне расписку по полной форме, успокоил, что я всегда смогу взять свое добро. Ты мне как-то говорил, что у тебя в милиции есть хорошие знакомые. Узнай, пожалуйста, закончили они свою проверку, и попроси хорошенько беречь ценности. Особенно я беспокоюсь за диадему!

...Майор Вырыванов встретил меня с озорной лукавинкой в глазах..

— Садись, садись! Ну, ты, я вижу, такой шустрый. Неужто разузнал про эту бриллиантовую историю?

— Про какую историю? — насторожился я.

— Вчера в аэропорту задержали человека с целым чемоданом золота, изумрудов, бриллиантов. Вот почитай сводку.

Майор протянул мне несколько листков бумаги:

«24 апреля по подозрению был задержан неизвестный, назвавшийся геологом Иваном Ильичом Сытовым...»

После полного перечня содержимого чайной коробки следовала размашистая подпись дежурного лейтенанта Яхромова.

— Здорово приукрасил дело,— сказал я, откладывая сводку.

— Кто?

— Да лейтенант Яхромов. Геолог по рассеянности потерял чемоданчик. Обратился за помощью к Яхромову...

— А ты откуда все это знаешь?— спросил майор Вырыванов.

— Геолог — мой школьный товарищ. Он мне звонил из Сочи. Опасается, как бы что-нибудь из его ценностей не пропало. Особенно он дорожит бриллиантовой диадемой. Вот, собственно, я и приехал, чтобы передать его просьбу.

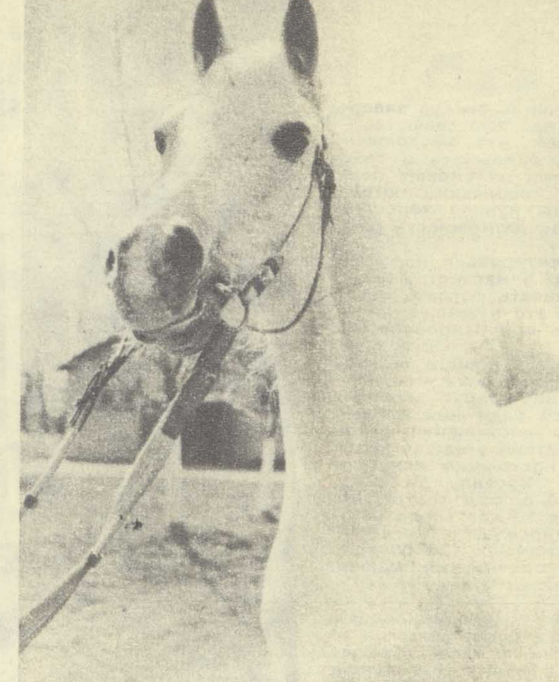
Майор неторопливо подошел к окну, достал папироску, прикурил от зажигалки.

— Есть еще одна просьба,— добавил я.— Можно ли сделать так, чтобы пока дело не прояснилось, никакие слухи не просочились за эти стены. Все-таки человек на ответственной работе.

— Можете не беспокоиться,— успокоил майор.— У нас на этот счет, как ты сам понимаешь, строго.

Однако случилось по-иному.

Шурик.

с честью выдержали эти испытания.

К вечеру в уголок Дурова подъезжает автомобиль с высокими бортами. Дрессировщик Александр Юрлов подымается по трапу с ослицей Розой. Затем машина, заехав на ипподром за Шуриком, мчится по московским улицам к театру.

Исполнители главных ролей в балете «Дон Кихот» Юлий Медведев и Александр Холфин тепло отзываются о своих «коллегах» и в шутку говорят:

— Мы подошли им по характеру, и поэтому на сцене никаких казусов не происходит.

Александр УСТИНОВ

Фото автора

Дня через четыре ко мне на работу забежал Игорь Крутиков, сослуживец Ивана Ильича.

— Надо как-то выручать Сытова, дела совсем у него плохи,— сказал он тревожно.

А вскоре у меня появился и главный герой развернувшихся событий. Вид у него был подавленный.

— Никогда не думал, что моя рассеянность приведет к таким ошеломляющим результатам,— геолог развел руками.— Понимаешь, обо мне говорит весь город. Знакомые шарахаются от меня, как от взбесившегося мустанга. В управлении, где я тружусь, создана специальная комиссия. Но ведь все это чистейшая чепуха на постном масле!..

— Чего же ты так переживаешь? — спросил я.— Сам же говоришь, что все обвинения легко отмести. Нужно лишь время.

— Вот именно — время,— воскликнул Иван Ильич,— в пятницу вечером прилетает Матильда. Она непременно пожелает взглянуть на свои украшения. Может быть, ты позвонишь этому майору Вырыванову и скажешь, чтобы он хотя бы на один день отдал коробку. А там я что-нибудь придумаю.

Я связался с горотделом милиции.

— А, это ты,— приветствовал меня майор.— Можешь обрадовать приятеля. Дело подходит к концу. Наверное, в понедельник мы уже сможем вернуть ценности. Остались лишь маленькие формальности.

Я объяснил, в чем дело, и попросил вернуть их хотя бы в пятницу днем.

— Ну, раз такая ситуация, постараемся закончить побыстрее.

В назначенный час мы вошли в кабинет майора Вырыванова. Круглая коробка стояла на его столе.

— Извините нас, товарищ Сытов,— произнес майор, поднимаясь со стула.— Когда наш молодой работник увидел столько драгоценностей, он подумал...

Иван Ильич согласно закивал головой:

— Да, конечно, при такой ситуации вполне могли посчитать меня жуликом...

— Хорошо, что вы это сами понимаете,— сказал майор, вручая коробку.— И, кстати, напишите расписку, что все получили в целости и сохранности...

Геолог пересчитал кольца, браслеты, кулоны, полюбовался бриллиантовой диадемой и сказал:

— Все на месте. И вы действительно пришли к выводу, что я не вор, не мошенник, не бандит!

— Разумеется! Все украшения для своей Матильды вы купили на честно заработанные деньги. По этому поводу никто не должен заблуждаться...

Майор прошелся по комнате, потом сказал:

— Впрочем, я хочу избавить вас от совсем другого заблуждения. Тщательная экспертиза установила, что во всей вашей разнообразной коллекции, кроме вот этих маленьких позолоченных сережек, нет ни одной драгоценной вещи...

— А бриллиантовая диадема?

Вырыванов вздохнул:

— Как и все остальное, латунь и цветное стекло. Видно, в той стороне, где вы работали, на базаре толчется немало пройдох...

Иван Ильич подхватил свою коробку и охая пошел прочь.

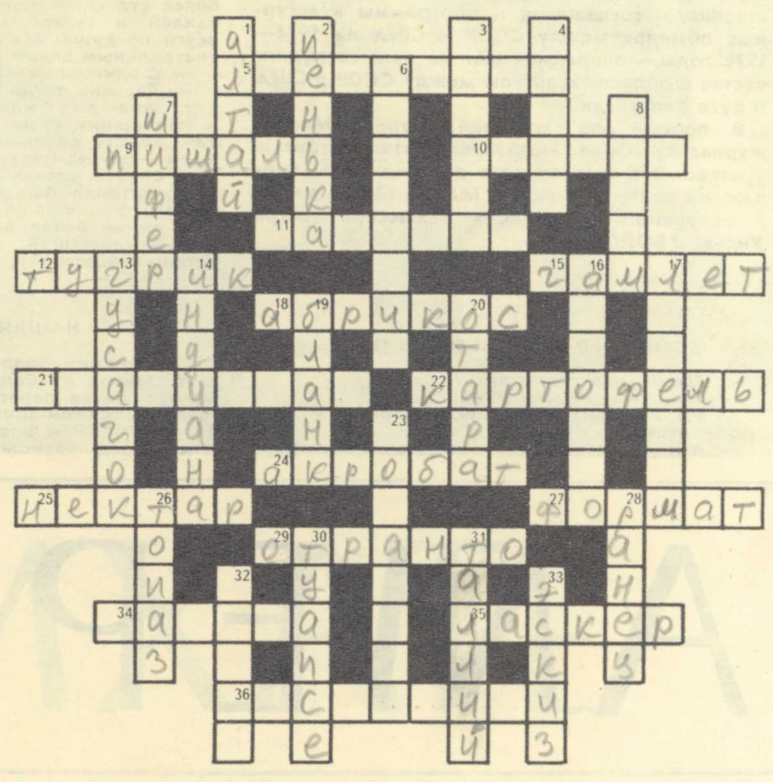
Майор догнал его у двери:

— Впрочем, если вы, товарищ Сытов, решите ничего не говорить Матильде, то мы, конечно, сохраним все это в самой глубокой тайне. На этот счет можете быть совершенно спокойны.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Роман Бальзака. 9. Старинное артиллерийское орудие. 10. Деталь швейной машины. 11. Государство в Африке. 12. Денежная единица МНР. 15. Трагедия Шекспира. 18. Южное плодовое дерево. 21. Автор балета «Сватовство». 22. Овощ. 24. Гимнаст и эквилибрист в цирке. 25. Сахаристый сок медоноса. 27. Размер страницы. 29. Пролив, соединяющий Адриатическое море с Ионическим. 34. Летательный аппарат. 35. Немецкий шахматист. 36. Курорт в Ставропольском крае.

По вертикали: 1. Ряд хребтов в Средней Азии. 2. Волокно из стеблей конопли. 3. Птица семейства тетеревиных. 4. Вулкан на острове Исландия. 6. Угломерный инструмент. 7. Кровельный материал. 8. Пушной зверек. 13. Русский хоровод. 14. Штат в США. 16. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 17. Картина И. И. Шишкина. 19. Лист бумаги с печатным заголовком. 20. Стадо овец. 23. Французский писатель. 26. Драгоценный камень. 28. Ученическая сумка. 30. Порт на Черноморском побережье. 31. Металл. 32. Зодиакальное созвездие. 33. Предварительный набросок рисунка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 5. Руссо. 6. Отлив. 8. Ломоносов. 12. Эмблема. 13. Амарант. 14. Рабат. 16. «Затишье». 17. Абордаж. 18. Гималаи. 20. «Гренада». 22. Спика. 25. Барсова. 27. Плантаж. 28. Календарь. 29. Брыль. 30. Ларек.

По вертикали: 1. Рессора. 2. Волхова. 3. Ножовка. 4. Бородка. 7. Кобра. 9. Драва. 10. Великатов. 11. Патронташ. 14. Редис. 15. Танга. 19. «Игрок». 21. Дятел. 23. Печенье. 24. Кандиль. 26. Анадырь. 27. Портрет.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Комсомолка Татьяна Васильева, швея Новгородского филиала швейного объединения «Весна» (см. в номере материал «Новгородское вече... сегодня»).

Фото Г. Розова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Один из первых многоэтажных домов Тынды. Его возводят московские строители.

Фото В. Кузнецова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/V — 1976 г. А 08110. Подп. к печ. 1/VI — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11 55. Изд. № 1486. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2277.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото И. ГАВРИЛОВА

В Москве, Ленинграде и Риге выступает «Америкэн Кэнсервэтри Тиэтр», один из ведущих театральных коллективов США.

Основанный в 1965 году его бессменным режиссером Уильямом Боллом, этот крупнейший театр широко представляет в своем репертуаре произведения мировой классики и лучшие современные произведения. Советским зрителям театр из Сан-Франциско показывает «Сваху» Торнтона Уайлдера и «Любовь под вязами» Юджина О'Нила.

Гастроли американского драматического театра, организованные в рамках межправительственного соглашения и программы культурных обменов между СССР и США на 1974—1976 годы,— очередной шаг на пути сотрудничества в области культуры между СССР и США в духе Хельсинки.

В первые дни гастролей театра в Москве журналист Юрий ЗАРАХОВИЧ взял интервью у известного театрального деятеля США, продюсера театра Джеймса МАККЕНЗИ, а также у основателя и главного режиссера театра Уильяма БОЛЛА.

АМЕРИКАНЦ

ХОТИМ ИГРАТЬ СОВЕТСКИЕ ПЬЕСЫ

— Где бы нам поговорить?
— Есть уютный уголок наверху.
— Тогда ведите. Я здесь впервые и могу заблудиться.
— А я уже освоился,— ответил, выводя меня из кулис новой сцены МХАТа, Джеймс Маккензи. В Советском Союзе он и его коллеги находились третий день, но уже действительно освоились и в здании МХАТа на Тверском бульваре, где шли последние репетиции перед премьерой, и в большой театральной семье Москвы.

— Предстоит самое главное,— сказал Маккензи,— освоиться со зрителем! Завтра наш первый спектакль в Советском Союзе. Видите ли, мы приехали с большой надеждой не только познакомиться, но и развить, закрепить знакомство. Одна из главных целей нашей поездки — наладить путь, по которому и в Америку пошли бы советские пьесы. В ваших театрах американские пьесы ставят, но у нас советских пьес почти нет. Русскую классику мы знаем и любим, но вот современная советская драматургия для нас белое пятно, которое нужно заполнить как можно быстрее. Хорошая пьеса может рассказать о жизни народа другой страны больше, чем несколько толстых книг. Пьеса — это кусок жизни, показанный со сцены, а вы и представить не можете, как велик интерес американцев к жизни вашей страны. Когда я после переговоров в Москве о визите нашего театра вернулся домой, меня просто засыпали вопросами. Я отвечал на них, как мог, но думаю, советская пьеса на нашей сцене ответит гораздо лучше.

Я уже беседовал с представителями Министерства культуры, буду беседовать с ВААП, с театральными деятелями... Есть интересные перспективы. Хочу познакомиться с пьесами советских драматургов: Вампилова, Рощина, Арбузова, Софронова... Хорошие пьесы очень нужны нам. Очень! Мы ведь один из немногих театров Америки, где пьесы подбираются для актеров, а не актеры подбираются к коммерческой пьесе. Ведь как делаются спектакли на Бродвее? Театр находит пьесу, которая будет иметь коммерческий успех, и вокруг этого все вертится, подбираются актеры, режиссер. Над всем — дух коммерции, но нет процесса творческой работы. Нет и преемственности. Мы же заинтересованы в хорошем творческом материале для актера, в хороших пьесах. Для нас самое главное — актер и его творческий рост. Мы единственный в США театр, который имеет собственную школу-студию. Это высшее театральное учебное заведение — одно из основных в Америке. В труппе театра 200 человек, в школе — 600 студентов, там преподают многие наши режиссеры и актеры. Лучшие выпускники потом поступают к нам на сцену, но это вовсе не означает, что обучение актера завершено. Нет, актер учится у нас всю свою творческую жизнь. Мы считаем, что он должен всегда совершенствоваться, открывать в себе и в театре новое. Только так он сможет полностью реализовать свой творческий потенциал. Именно поэтому нам нужны хорошие пьесы, которые дадут актеру возможность раскрыть, выразить себя.

В нашем театре все ориентировано на актера, на его развитие. «Звезд» у нас нет: каждому предоставляется возможность сыграть ведущую роль. Это нелегко. Но это нужно.

— Вы сказали, что все ориентировано на актера. А зритель?

— Аудитория для нас — часть нашего театра. Если актеры всю жизнь учатся, если вся деятельность театра построена вокруг актеров, если репертуар подбирается ради них, то результат — свои творческие достижения — они отдают зрителю. Именно поэтому в нашем театре зритель встречается с настоящим искусством, смотрит Шекспира, Ибсена, Чехова... Я ведь продюсер не только в этом театре, но и на Бродвее; за последние 30 лет «произвел» более ста спектаклей. Но «производство» спектаклей в театре Сан-Франциско мне больше всего по душе, а я, между прочим, занимаюсь театральным делом с одиннадцати лет.

— С одиннадцати?!

— Да, мне тогда было от роду одиннадцать лет, жил я в маленьком городке Эпплтон и в помещении старого гаража поставил «Гамлета» вместе со своими приятелями. В главной роли — догадайтесь, кто? Конечно, я. Входные билеты стоили по пять центов, весь сбор со спектакля был истрачен труппой на мороженое. Успех был потрясающий. А вообще я в семье белая ворона. Дед был лесорубом, отец — служащий, а я всю жизнь в театре. С одиннадцати лет.

НАШЛИ ОБЩИЙ ЯЗЫК

С Уильямом Боллом, основателем и режиссером театра из Сан-Франциско, мы беседовали наутро после первого выступления театра перед советскими зрителями.

— В СССР я впервые. Как и мои друзья, я очень рад возможности лично познакомиться с советским театром, узнать его, как говорится, из первых рук. Дома мы не очень-то знаем о современной советской драматургии, о работе ваших театров — так, в общих чертах. А хочется знать как можно больше и познакомиться непосредственно. Вообще-то мы всегда в работе, ездим мало: трудно поднять с места большую труппу. Поэтому к своим поездкам относимся взыскательно — едем на гастроли только в том случае, если чувствуем, что поездка будет полезна для театра, обогатит его новым опытом. И когда наше правительство предложило нам гастроли в СССР, мы сразу решили: поедем обязательно! Мы многого ждали от этой поездки, и вот сейчас, когда еще не прошло недели, как мы здесь, могу сказать: наши надежды оправдываются. Мы восхищены тем, что московские театры, несмотря на оригинальность каждого из них, складываются в одну чудесную семью. Я уверен, что это же мы увидим и в Ленинграде. А вот у нас в Америке такого нет, все как-то разделено: Голливуд, телевидение, Бродвей... Такой семьи, как здесь, нет.

Мы сразу же нашли общий язык с нашими советскими коллегами, и это не удивительно: театр — средство коммуникации, тем более что нас зачастую объединяет общий репертуар — тогда мы говорим одним языком. Поездка в СССР дала нам драгоценную возможность бесед на этом языке.

Мои коллеги будут читать лекции и проводить беседы в театрах и в университете. Но мы и сами надеемся многое услышать. Общение облегчается тем, что мы восхищены теплом, дружелюбием, силой духа ваших людей. Они очень открытые люди. А отношение к нам зрителей просто радует!..

Мы мечтаем расширить творческий диапазон нашего театра за счет современных советских пьес. Мы, безусловно, найдем такие пьесы. Мы хотим пригласить в Сан-Франциско кого-либо из авторов, чтобы он консультировал постановку своей пьесы в Америке, участвовал в ней вместе с нами. А еще нам хотелось бы организовать визит к нам одного из советских театральных коллективов, наш театр с удовольствием примет его в Сан-Франциско. Что же касается лично меня, то я был бы счастлив поставить пьесу в советском театре.

— В каком именно?

— Это совсем невозможный вопрос,— улыбнулся Болл.— Сказать по правде, они все так хороши, что я бы не отказался поставить по пьесе в каждом театре по очереди.

Сцена из комедии «Сваха».

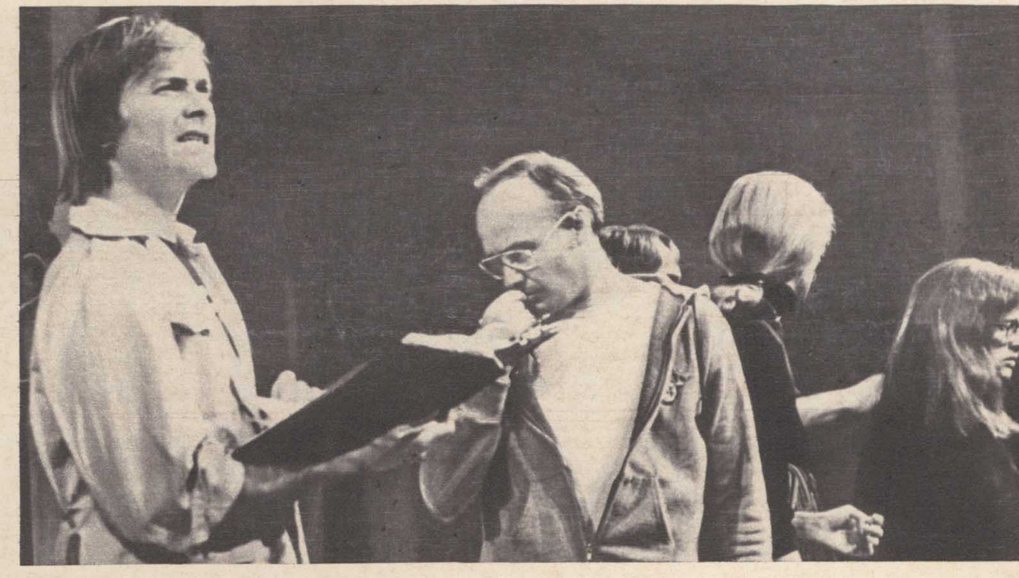

Ы ВО МХАТе

Сваха — Элизабет Хаддл.

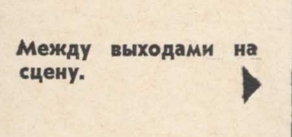
Через несколько часов — спектакль. Идет последняя репетиция.

Айрин Моллой (Дебора Мэй) и Амброуз Кемпер (Рик Гамилтон) в «Свахе».

Между выходами на сцену.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663